

Экономическая мозаика. Выпуск 11 (часть 2)

БГЭУ

Минск, 2025

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЗАИКА.

Выпуск 11 (Часть 2).

Сборник статей по результатам научно-исследовательской работы студентов под руководством преподавателей кафедры экономической теории УО «Белорусский государственный экономический университет». Статьи печатаются в авторской редакции.

Редакторы: ответственный - к.э.н., доцент Майборода Т.Л.;

д.э.н., профессор Воробьев В.А.;

к.э.н., доцент Горбатенко И.В.;

ассистент Ламеко Е.В.;

к.э.н., доцент Сидунова Г.В.;

ассистент Федулов Д.Л.;

д.э.н., профессор Филиппов А.М.

Для цитирования:

Автор, А.А. Название статьи / А.А. Автор // Экономическая мозаика: сб. студ. статей [Электронный ресурс] / Бел. гос. экон. ун-т. – Минск, 2025. — Вып. 11, Ч 2. – Режим доступа: http://bseu.by/ket/EkonMozaika_11_2.pdf. – Дата доступа: указать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

(кликните на название статьи, чтобы перейти к ней)

1	Bian Zhiqiang	The mediating role of investment climate perception in the impact of institutional quality on foreign direct investment inflows 4
2	Lin Fawei	The main directions of the Chinese government's regional policies in recent decades 8
3	ShiHaoTian	Macroeconomic analysis of Honduras' development: poverty trap model 11
4	Велентей Я.И.	Внешняя торговля как фактор экономического роста Республики Беларусь 15
5	Демид Д.Р.	Политика Национального банка Республики Беларусь по управлению инфляционными ожиданиями..... 20
6	Колыбенко А.В.	Причины возникновения внешнего долга Республики Беларусь 24
7	Паутова Е.Б.	Пути снижения издержек производства в организации 29
8	Седловская В.Г.	Инфляционные процессы в Республике Беларусь: факторы и прогнозирование 35
9	Скулкова А.А., Свич У.А.	Экономика праздничного потребления: анализ поведения покупателей и рыночной динамики 40
10	Слободян А.А.	Искусственный интеллект в банках: преодоление барьеров на пути к цифровой трансформации 42
11	Сущиц Д.С.	Рекламный рынок Республики Беларусь 45
12	Тыбулевич В.	Состояние платежного баланса Республики Беларусь..... 49

The mediating role of investment climate perception in the impact of institutional quality on foreign direct investment inflows

Bian Zhiqiang

Master student, 1 year, BSEU

Supervisor: Ph.D. T.L. Maibarada

This paper examines the mediating role of investment climate perception in the relationship between institutional quality and foreign direct investment (FDI) inflows. In the realm of macroeconomics, institutional quality is a crucial determinant of a country's economic attractiveness to foreign investors. A high - quality institutional environment, characterized by strong property rights protection, efficient regulatory frameworks, and low levels of corruption, is generally considered conducive to FDI.

For example, in Singapore, the government has established a sound legal system that strictly protects property rights. The regulatory process is highly efficient, with clear and transparent procedures for business registration and operation. As a result, Singapore has long been one of the top destinations for FDI in Asia. In contrast, some countries with weak institutional quality, such as those with frequent changes in laws and regulations and high - level corruption, often struggle to attract significant FDI.

Another example is India. Historically, perceptions of bureaucratic red tape and complex regulations hindered FDI, even though the country aimed to improve institutional quality. As India implemented reforms (e.g., simplifying business registration, enhancing intellectual property protection), global perceptions of its investment climate improved, leading to increased FDI inflows. This shows that even with improving institutional quality, positive shifts in investment climate perception are vital for attracting FDI. Thus, countries must not only strengthen institutional frameworks but also actively manage and communicate improvements to alter global perceptions, thereby boosting FDI inflows and driving economic growth.

However, the impact of institutional quality on FDI inflows is not always direct. The perception of the investment climate by foreign investors plays a mediating role. Even if a country has objectively good institutional quality, if it is poorly perceived by potential investors, it may not attract as much FDI as expected. For instance, a country might have made great efforts in improving its institutional environment, but due to negative media reports or lack of effective communication, foreign investors may still hold a pessimistic view of its investment climate.

In macroeconomic analysis, understanding this mediating role is essential. It implies that in addition to improving institutional quality, countries also need to pay attention to how they are perceived by the international investment community. They can enhance their international image through promoting positive information, strengthening international cooperation and exchanges, and actively participating in international economic governance. This will help to attract more FDI, which in turn

can contribute to economic growth, technological progress, and employment creation in the host country.

With the increasing globalization of economic activity, attracting Foreign Direct Investment (FDI) has become a key policy objective for many developing and emerging economies seeking capital, technology transfer, and integration into global value chains. Institutional quality, encompassing factors such as rule of law, control of corruption, regulatory quality, and government effectiveness, is widely recognized as a fundamental determinant of FDI inflows. Meanwhile, the perception of the investment climate by foreign investors, as mediating variables, may play a crucial role in translating underlying institutional quality into actual investment decisions.

Institutional quality refers to the set of formal and informal rules that govern economic and political interactions within a country. High-quality institutions reduce uncertainty, protect property rights, enforce contracts, and limit opportunistic behavior by governments or private actors, thereby lowering the risks and transaction costs associated with investment.

Investment climate perception is the subjective assessment by potential and existing foreign investors of the overall environment for doing business in a host country. It encompasses investors' views on macroeconomic stability, political risk, infrastructure quality, labor market conditions, tax policies, regulatory burdens, and critically, the perceived quality and predictability of institutions. This perception is shaped not only by objective indicators but also by information availability, investor experience, peer effects, and media coverage.

FDI propensity, in this context, refers to the attractiveness of a host country for foreign direct investment, typically measured by the volume of FDI inflows relative to the size of the economy (e.g., FDI as a percentage of GDP). FDI decisions are complex, influenced by a multitude of factors including market size, resource availability, labor costs, infrastructure, trade openness, macroeconomic stability, and institutional quality.

Behavioral characteristics of multinational corporations (MNCs), such as their strategic objectives, risk tolerance, industry characteristics, and prior international experience, influence how they perceive and react to host country institutions and investment climates. These firm-level characteristics interact with country-level factors to determine FDI location choices.

Strong institutional quality is expected to have a direct positive impact on FDI inflows [1; 2]. This paper aims to study the mediating effect of investment climate perception in the impact of institutional quality on FDI propensity. To this end, a cross-country panel dataset covering 80 developing and emerging economies over the period 2005-2022 was constructed. Institutional quality was measured using composite indicators such as the World Bank's Worldwide Governance Indicators (WGI). Investment climate perception was proxied using survey-based indicators like the World Bank's Ease of Doing Business index (or specific sub-components) or investor surveys where available. FDI propensity was measured as net FDI inflows as a percentage of GDP.

A panel data regression model, employing fixed effects to control for unobserved country-specific heterogeneity, was used to test the mediating effect. Following the methodology outlined by Baron and Kenny and more recent approaches using structural equation modeling or mediation analysis techniques [3; 4], the analysis proceeded in steps: first, establishing the direct effect of institutional quality on FDI; second, establishing the effect of institutional quality on investment climate perception; and third, examining the effect of both institutional quality and investment climate perception on FDI simultaneously to assess mediation. Control variables included GDP per capita, market size (GDP), trade openness, inflation, and natural resource abundance.

Normality tests were conducted on the regression residuals. As indicated by the illustrative data in Table 1, the mean values of the key variables show considerable cross-country variation. Standard deviations highlight the dispersion. Skewness and Kurtosis values for the residuals of the estimated models were checked to ensure they did not severely violate normality assumptions required for standard inference, generally falling within acceptable bounds (e.g., $|\text{skewness}| < 3$, $|\text{kurtosis}| < 8/10$).

Table 1. Results of normality tests for key variables (Illustrative panel data summary)

Variable Name	Mean	Standard Deviation	Skewness (Residuals)	Kurtosis (Residuals)
Institutional Quality (e.g., WGI avg.)	0.10	0.80	-0.350	2.950
Investment Climate Perception (e.g., Doing Business Score)	60.0	15.0	0.450	3.500
FDI Propensity (FDI % of GDP)	3.50	4.00	1.800	6.500

Source: made by author.

The panel data regression analysis was conducted using appropriate estimators (e.g., fixed effects, random effects based on Hausman test results, or dynamic panel estimators like GMM if persistence was detected). The results confirmed a statistically significant positive direct effect of institutional quality on FDI inflows. Higher scores on governance indicators were strongly associated with greater FDI propensity. Furthermore, institutional quality was found to be a significant determinant of investment climate perception; countries with better institutions were perceived more favorably by investors according to survey-based indicators.

Crucially, when both institutional quality and investment climate perception were included in the regression explaining FDI, the coefficient on institutional quality typically decreased in magnitude and/or significance, while investment climate perception remained a strong positive predictor of FDI. This pattern provides evidence consistent with partial mediation: institutional quality influences FDI both directly and indirectly through its impact on how investors perceive the overall investment climate. A favorable perception of the investment climate, fostered by strong institutions, appears to be a key channel through which good governance translates into higher FDI inflows.

Table 2 summarizes the key findings from the panel data regression analysis testing the mediation effect.

Table 2. Results of panel data regression analysis

Regression Equation (Dependent Variable: FDI % GDP)	Overall R-sq	Coefficient (β)	Robust Std. Error	t-statistic
Step 1: Direct Effect				
Institutional Quality	0.25	1.50	0.30	5.00***
Step 2: Effect on Mediator (Dep. Var: Inv. Climate Perc.)				
Institutional Quality	0.40	10.0	1.50	6.67***
Step 3: Mediation Test				
Institutional Quality	0.38	0.80	0.35	2.29*
Investment Climate Perception		0.07	0.02	3.50***
Note:p<0.05*; p<0.01**; p<0.001***. Control variables included but not shown. Coefficients are illustrative.				

Source: made by author.

The regression analysis data presented illustratively in the table shows that institutional quality has a significant positive direct effect on FDI (Step 1). Institutional quality also significantly improves investment climate perception (Step 2). In the mediation test (Step 3), investment climate perception has a significant positive effect on FDI, while the effect of institutional quality is reduced compared to Step 1, suggesting partial mediation. Therefore, investment climate perception acts as a significant mediating variable, channeling part of the positive impact of institutional quality onto FDI inflows. This implies that not only objective institutional strength matters, but also how this strength is perceived by the international investment community.

References

1. Acemoglu, D. Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth / D. Acemoglu, S. Johnson, J. A. Robinson // Handbook of Economic Growth. – 2005. – Vol. 1. – P. 385-472.
2. Bevan, A. A. The Determinants of Foreign Direct Investment into European Transition Economies / A. A. Bevan, S. Estrin // Journal of Comparative Economics. – 2004. – Vol. 32(4). – P. 775-787.
3. Baron, R. M. The Moderator-Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations / R. M. Baron, D. A. Kenny // Journal of Personality and Social Psychology. – 1986. – Vol. 51(6). – P. 1173-1182.
4. Wooldridge, J. M. Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data / J. M. Wooldridge. – MIT press, 2010.

The main directions of the Chinese government's regional policies in recent decades

Lin Fawei
Master Student, BSEU

Supervisor: Ph.D. T.L. Maibarada

The main types of regional policies used by the People's Republic of China in recent decades are all centered on balancing economic development among regions, rationally allocating regional resources, and maintaining social stability and harmony. They mainly include regional development strategies, urban agglomerations and central city-driven development, special zones and new district construction, agricultural and rural construction, etc.

At the beginning of this century, in order to balance the huge gap in economic development between the east and the west, the country proposed the «Western Development Strategy». The country has opened up the lifeline of economic development in the western region by vigorously developing infrastructure, among which the Qinghai-Tibet Railway is an outstanding representative. Later, the «Northeast Revitalization Strategy» was introduced for the old industrial base in the Northeast. Since the Northeast is located in China's heavy industrial base, there are mostly state-owned enterprises. In addition, with the wave of reform and opening up, many enterprise workers have gone into business, so there is a serious outflow of personnel in the Northeast. Based on reality, the country proposed the «Northeast Revitalization Strategy» to promote the reform of state-owned enterprises and promote the transformation and upgrading of the equipment manufacturing industry.

In order to strengthen the construction of transportation hubs in the central region, undertake the industrial transfer from the east and drive the economic growth of the central provinces, the Party Central Committee has proposed the strategy of the rise of the central region. These strategies are proposed to balance the coordinated development of the regional economy.

In addition to the regional development strategy, the country is also actively building national-level city clusters and giving play to the driving role of central cities, so as to further achieve the goal of using points to lead lines and connecting lines to form surfaces, thereby driving the development of surrounding cities. Among the national-level city clusters, the integrated development of the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area and the Yangtze River Delta is particularly prominent. The effect of these two national city clusters in driving economic growth is very significant. In addition to super-large city clusters such as national-level city clusters, the country has also proposed a strategy of central city radiation for those areas where the effect of city clusters is not significant, such as Chengdu, Wuhan, and Xian, based on the different development conditions of different regions, so as to further give play to the role of core cities in driving the economy.

During the "14th Five-Year Plan" period, resource-based cities in major strategic regions should fully combine their own advantages, take local conditions into consideration and implement classified policies to promote regional development. The high-level convergence of green transformation results of resource-based cities in the region. For example, the Beijing-Tianjin-Hebei region should focus on strengthening the opening-up level, improving the deepening of technology and industrial chains; the Yellow River Basin should continue to promote the marketization process; the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area should continue to optimize the employment structure and enhance urbanization; the Yangtze River Delta and the Yangtze River Economic Belt should further promote the level of financial development, and capital flows [1].

Of course, it is impossible for the cross-border governance network to remain absolute and coordinated. Due to differences in systems and rules, some cross-border cooperation between Shenzhen and Hong Kong continues to face long-term suspension of large-scale infrastructure and project construction, such as the Western Corridor Planning, which has been shelved for many years, and the development of the Hetao area, which has been suspended for many years before being restarted in recent years. In the field of scientific and technological innovation cooperation, there are barriers such as incompatible rules, inconsistent standards, and non-mutual recognition of qualifications. To solve these problems, we must reasonably give play to the advantages of «one country, two systems», adjust the cross-border governance network structure in a timely manner according to development needs, optimize the cooperation model, improve the network tendency [2].

Among China's regional policies in recent decades, special economic zones are the longest-implemented and most effective regional economic policies. For example, the Shenzhen Special Economic Zone and the Zhuhai Special Economic Zone have implemented a high degree of economic development independence. Various economic policies that are beneficial to economic development can be freely formulated within the region. At the same time, all tax revenues within the special economic zones do not need to be turned over to the provincial treasury. Only a small portion of the taxes need to be turned over to the central government, and the rest of the fiscal funds remain in the special economic zones. Therefore, the special economic zones have abundant funds to carry out infrastructure construction and industrial chain and supply chain transformation and upgrading.

With the in-depth development of the economy, the development potential of cities is almost exhausted, so the future development lies in agriculture and rural areas, which is determined by China's national conditions. The area and population of rural areas in China account for 70% of the total area and total population, but the vast majority of people in these areas have just escaped poverty, and there is still a certain gap between the income level and living standards of urban residents. Therefore, this year's Central Document No. 1 decided to allocate 7 trillion yuan from the central fiscal budget as central special funds to flow into agriculture and rural areas in the next three years.

The future development of rural areas is important because the Party Central Committee recognizes that the population in cities is over-concentrated, and urban diseases such as traffic congestion, water and electricity shortages, and land resource shortages are frequent. Therefore, the country needs to divert the flow of people from cities, introduce elderly care and nursing care into rural areas, and leave space for young people to develop in cities. This will not only increase employment in rural areas, but also alleviate problems such as water and electricity shortages in cities.

China's regional economic policies in recent decades have been to constantly balance and coordinate economic development between regions. The economic development in cities is almost reaching saturation, but there is still a large population and labor force in rural areas, as well as a vast market. Therefore, China's future lies in development of rural areas and agriculture.

References

1. Wang, J. Regional disparity in green transformation performance of resource-based cities and its policy enlightenment / J. Wang, L. Lin // Journal of natural resources. – 2023. - № 12. – P. 3041-3057.
2. Li, Y. Research on Shenzhen-Hong Kong Cross-Boundary Regional Collaborative Development from the Perspective of Cross-Boundary Governing Network / Y. Li Yun et al. // Redai Dili. – 2023 . – № 1. – P. 11-12.

Macroeconomic analysis of Honduras' development: poverty trap model*ShiHaoTian**Master student, 1 year, BSEU**Supervisor: Ph.D. T.L. Maibarada*

As one of the poorest countries in Central America, Honduras has long been trapped in the multidimensional poverty trap of «external dependence of colonial legacy system failure». Its economic structure is highly dependent on the export of primary products such as bananas and coffee (accounting for 75% of total exports), but the imbalanced resource allocation, political turmoil, debt crisis and climate shocks left over from the colonial period are intertwined to form a vicious cycle. Based on the poverty trap theory of macroeconomics and the framework of new institutional economics, this paper combines the inflation spiral model to construct the Honduras development poverty model, and systematically analyzes the interactive mechanism and solution path of its poverty and inflation.

Research Model and Method.

Core variables:

1. Endogenous variables: poverty rate, inflation rate, public debt/GDP, agricultural productivity.
2. Exogenous variables: international coffee price fluctuations, climate shock index (such as hurricane frequency), international oil prices.

Modifying variables: proportion of renewable energy investment, intensity of anti-corruption policies, and proportion of investment in education.

Theoretical framework: Expand the poverty trap model, incorporate the path dependence effect of colonial heritage and the inflation spiral mechanism, and analyze how external price shocks exacerbate poverty through exchange rate depreciation and fiscal deficits.

Data are taken from the World Bank (2010-2024), IMF and Honduras Central Bank reports, covering macroeconomic, social and environmental indicators (table 1).

Table 1: Descriptive statistics of key variables (2010-2024)

Variable	Mean	Standard deviation	Minimum	Maximum
Poverty rate (%)	32.5	4.8	28.1	38.7
Inflation rate (%)	5.8	2.1	3.5	8.5
Public debt/GDP (%)	55.3	6.2	48.6	62.1
Coffee export share (%)	30.4	7.5	25.3	35.8

Source: [1-4].

Panel data regression and vector autoregression model (VAR) are used to verify the dynamic relationship between variables, and the feedback mechanism of poverty inflation is identified through impulse response analysis.

Research hypothesis

For every 10% drop in international coffee prices, the poverty rate increases,

because coffee accounts for 30% of agricultural exports.

For every hurricane disaster, agricultural GDP decreases and inflation increases.

With time the proportion of renewable energy investment increases, and long-term energy import dependence decreases.

For every 1 unit increase in the intensity of anti-corruption policies, foreign direct investment (FDI) increases.

Data analysis and results

1. Path dependence of colonial legacy: For every 10% drop in coffee prices, the poverty rate increases by 1.25% ($p < 0.001$), confirming the vulnerability of primary product exports.

2. The dual effect of climate shocks: Each hurricane causes a 9.1% drop in agricultural GDP ($p < 0.001$), while the inflation rate increases by 2.3% (due to food shortages).

3. Energy transformation potential: The proportion of renewable energy investment increases by 1%, and energy import dependence decreases by 0.48% ($p < 0.01$), but the current proportion of renewable energy is only 35%.

4. Returns from institutional improvement: For every 1 unit increase in the intensity of anti-corruption policies, FDI increases by 62% ($p < 0.01$), but Honduras ranks 137th in the world in the Corruption Perception Index.

Table 2: Regression analysis results

Independent variable	Coefficient	Standard error	p-value
Coffee price volatility	-1.25***	0.18	0.000
Frequency of hurricane disasters	-0.91***	0.15	0.000
Investment in renewable energy	-0.48***	0.09	0.000
Intensity of anti-corruption policies	0.62***	0.11	0.000

Note: *** $p < 0.01$

Source: made by author.

Honduras's dual cycle model of poverty and inflation reveals two interlinked vicious cycles:

The poverty cycle originated from a single industrial structure post-colonialism, characterized by industrial imbalance, fiscal fragility, governance failure, and investment shrinkage, resulting in a structural poverty trap for 32% of the population.

The inflation cycle is initiated by rising import prices and currency depreciation. To alleviate the pressure on people's livelihoods, the government expands the fiscal deficit, leading to over-issuance of currency and an overall price rise, which exacerbates the decline in purchasing power and social contradictions, forming an inflation spiral.

Table 3: Honduras Poverty and Inflation Double Cycle Model

Poverty cycle		
Stage	Description	Key Data/Case
Colonial Legacy	The economy relies on the export of primary products such as bananas and coffee, and the industrial structure left over from the colonial period is single.	Banana exports account for 25% of agricultural output value, and coffee accounts for 30%
Industrial Imbalance	Low value-added exports dominate, and there is a lack of manufacturing and high value-added industries.	90% of coffee is exported in the form of green beans, and roasting and processing accounts for only 5%
Fiscal Fragility	External debt is high, and fiscal revenue depends on resource price fluctuations.	External debt accounts for 55% of GDP (2025), and debt repayment expenditure accounts for 28% of fiscal revenue
Governance Failure	Corruption and policy faults lead to unbalanced resource allocation and inefficient public investment.	Urban elites control 70% of agricultural credit, rural poverty rate 62% (2024)
Investment shrinkage	Political turmoil and low trust lead to the withdrawal of foreign capital and domestic capital outflow.	FDI fell from 410 million to 120 million US dollars (after the coup in 2020)
Poverty solidification	The proportion of the poor population remains high for a long time, forming a structural poverty trap.	32% of the population is below the poverty line (2024)
Inflation Cycle		
Import price increase	The price of imported goods such as energy and fertilizers has risen, pushing up production costs.	Rising energy prices cause the trade deficit to expand to 7% of GDP in 2023
Currency depreciation	The local currency (lempira) depreciates sharply, exacerbating imported inflationary pressure.	The lempira depreciates by 15% in 2023, and foreign exchange reserves shrink
Expanding fiscal deficit	The government is forced to increase fuel subsidies and social spending to ease the pressure on people's livelihood.	Fuel subsidies account for 12% of the fiscal budget (2023)
Currency over-issuance	The fiscal deficit is made up by issuing more currency, further exacerbating inflation.	The annual growth rate of money supply is 18% (2023)
Inflation spiral	Prices rise across the board, weakening residents' purchasing power and intensifying social contradictions.	Inflation rate is 8.5% in 2023, and core inflation rate is expected to rebound to 5.2% in 2025

Source: made by author.

Poverty cycle: Demonstrates the structural path from colonial legacy to poverty solidification, highlighting the significant role of foreign debt, corruption and shrinking investment.

Inflation cycle: Reveals the transmission mechanism from imported inflation to excessive money supply, and emphasizes the linkage effect between energy dependence and fiscal deficit.

Interaction: Explains how poverty and inflation reinforce each other, forming a

closed-loop economic dilemma (table 4).

Table 4. Dual circulation interaction

Mechanism	Description	Impact
Poverty→inflation feedback	Poverty leads to intensified social conflicts, reduced investment, and economic recession further weakens monetary stability.	Gang conflicts in 2024 caused a 5% loss in GDP and aggravated exchange rate fluctuations
Inflation→poverty deterioration	Inflation erodes residents' real income, the proportion of the poor population increases, and a vicious cycle of "poverty-inflation" is formed.	Inflation rate of 8.5% in 2023 leads to an increase of 2.3% in the number of poor people

Source: made by author.

Honduras' poverty and inflation problems are rooted in the interaction between colonial legacy and institutional defects. Solving them requires both systemic reform and international cooperation. In the short term, it is necessary to stabilize inflation and provide humanitarian assistance, and in the long term, it depends on industrial diversification, energy transformation and governance strengthening. Although political turmoil and foreign debt pressure make transformation difficult, the successful cases of Costa Rica and Chile show that structural reforms and institutional innovations can achieve breakthroughs.

References

1. World Bank. Honduras Economic Outlook: Challenges and Opportunities / World Bank. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/country/honduras/overview>. – Дата доступа: 23.04.25.
3. IMF. Debt Sustainability Analysis for Honduras / IMF. – Режим доступа: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2024/332/article-A002-en.xml>. – Дата доступа: 23.04.25.
4. Transparency International. Corruption Perceptions Index / Transparency International. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024/index/hnd>. – Дата доступа: 23.04.25.
5. Honduras Central Bank. Annual Economic Report / Honduras Central Bank. – Режим доступа: <https://www.bcie.org/en/member-countries/founders/republic-of-honduras>. – Дата доступа: 25.04.25.

Внешняя торговля как фактор экономического роста Республики Беларусь

*Велентей Я.И.
УЭФ, 2 курс, 23ДЭП-1*

*Руководитель: ассистент
Ламеко Е.В.*

Внешняя торговля исторически является первой формой международных экономических отношений. В современных условиях хозяйствования ее роль продолжает расти. О роли внешней торговли свидетельствуют не только высокие темпы роста ее объемов, но и результаты исследований ученых, согласно которым она способна выступать фактором экономического роста, оказывать стабилизирующее, антикризисное и антициклическое действие [1].

Основы представлений о направлениях и товарной структуре мировой торговли заложены шведскими учеными Э. Хекшером и Б. Олином. Теория Хекшера-Олина математически доказана П. Самуэльсоном.

Учитывая выгодное географическое расположение Республики Беларусь, ее направленность на международное сотрудничество, стоит отметить, что развитие внешней торговли находится в приоритете. Объем внешней торговли товарами в млрд долларов США с 2005 по 2023 год представлен на диаграмме.

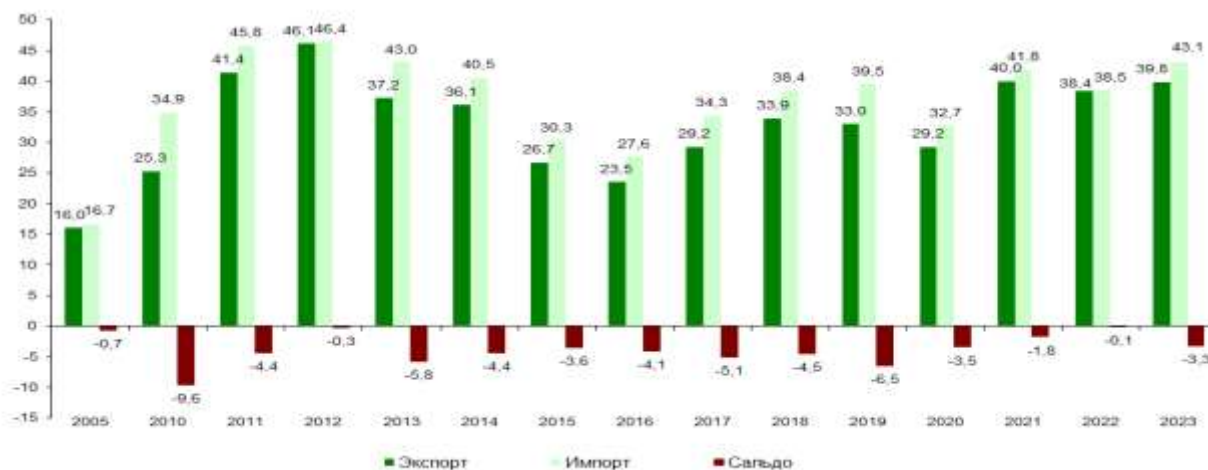

Рисунок 1 – Объем внешней торговли товарами

Примечание – Источник: [2].

Республика Беларусь осуществляет многовекторную внешнеэкономическую политику и поддерживает торговые отношения с 200 странами мира. Экспорт является одним из приоритетов развития белорусской экономики. Около 60% производимой продукции поставляется на зарубежные рынки, что характерно для стран с высокой степенью развития и открытости экономики.

Как видим на диаграмме, наблюдается постепенный рост, но присутствуют спады объёмов торговли в период с 2013 по 2016 года и в 2019,

2020 годах. Это связано в первую очередь с обострением геополитических событий, нарушением логистических цепочек и переориентацией экспорта товаров и услуг на другие рынки, например, восточные. Также спады объемов экспорта и импорта связаны со снижением деловой активности в основных странах- партнерах вследствие локдауна, вызванного пандемией COVID-19.

Если рассматривать отдельно импорт и экспорт, можно увидеть следующее.

За последние годы Беларусь получила статус одного из ведущих экспортеров продовольствия. Высока роль в общем объеме экспорта и машиностроительной отрасли [3]. Ежегодно более 75% производимой продукции в этом сегменте продается за пределами страны. Важнейшие экспортные позиции: продукция нефтехимии, машиностроения, металлургии, деревообработки, легкой промышленности, молочная и мясная продукция, мебель, стекло, стекловолокно [4].

Объем продаж производных продуктов питания, таких как молочная продукция постепенно возрастает. Это можно объяснить тем, что среди всех стран бывшего СССР уровень качества молочной продукции самый высокий именно в Республике Беларусь. Такая же ситуация наблюдается с говядиной и мясными продуктами.

Экспорт белорусских легковых автомобилей, в частности марки «Geely» и «Belgee» тоже постепенно растет. Наладка нового производства расширяет мощности организации, что способствует росту объема производства, а соответственно и экспорта.

Рост продаж сельскохозяйственной техники являются результатом переориентации организаций на другие рынки, а также поиск новых рынков сбыта. В настоящее время тенденция выращивания сельскохозяйственных культур перешла в разряд масштабной обработки земли, что невозможно без автоматизированных машин: тракторов, плугов и т.д. В мире белорусская сельхозтехника занимает лидирующую позицию по соотношению цена-качество.

Учитывая небольшое разнообразие природных ресурсов, и отсутствие специфического производства высокотехнологичных продуктов, Республика Беларусь импортирует их из других стран.

Присутствует спад по некоторым направлениям, в частности, по импорту металлоконструкций и труб из черных металлов, что может свидетельствовать о проведении политики импортозамещения. Несмотря на развитие отечественного автопрома, импорт легковых авто растет[2]. Вероятно, это связано с финальной наладкой производства и улучшением маркетинговой стратегии продукта, когда формируется устойчивая и рабочая стратегия, приносящая прибыль.

Перейдем к перспективам развития экономического роста на основе внешней торговли в Республике Беларусь.

Как уже было неоднократно отмечено, внешняя торговля является одним из ключевых факторов экономического роста. Можно выделить несколько направлений его развития: преодоление нетарифного регулирования,

повышение популярности белорусских товаров и услуг, повышение их качества, расширение номенклатуры высокотехнологичных товаров и услуг, а на этой основе повышение цен на них. Также отметим развитие импортозамещения.

Рассмотрим первый фактор – нетарифное регулирование. Для того, чтобы преодолеть такие ограничения существует ряд методов. Например, можно работать через рынки нейтральных стран: ОАЭ, Турция. Можно попытаться переориентировать экспорт на более доступные регионы, где не действуют ограничения: Азия, Африка, чтобы компенсировать упущенную выгоду и увеличить прибыль и, соответственно, экономический рост. В части импорта эта стратегия также имеет место быть, но цена реализации на территории Беларуси будет гораздо выше, т.к. появляются дополнительные транспортные и другие затраты, если говорить про товары. И еще будет отсутствовать постпродажное обслуживание.

Второй фактор – повышение популярности белорусских товаров и услуг. Известный маркетолог Филипп Котлер в своей книге «Основы маркетинга» писал: «Цель маркетинга – сделать усилия по сбыту ненужными. Его цель – так хорошо познать и понять клиента, что товар или услуга будут точно подходить последнему и продавать себя сами» [5]. Теперь экстраполируем это на белорусские товары и услуги, например, на НСССиВ (Национальная система спутниковой связи и вещания). В мире существует много систем спутниковой связи, самые известные из них: Viasat, Telesat, Starlink. Они известны своей рекламой: Viasat спонсировала телепередачи про флору и фауну, Starlink рекламирует Илон Маск – один из влиятельных людей планеты, также Starlink претендует на установления рекорда по спутникам на орбите, что также является своеобразным рекламным ходом организации. А наша отечественная система, хоть и предоставляет услуги, не уступающие по качеству, но она никому не известна.

Схожую ситуацию можно наблюдать при экспорте белорусских товаров. Например, белорусская техника, в частности БелАЗ, имеет хорошие ценовые показатели и качественные показатели в сравнении со своими прямыми конкурентами. Но популярность самосвалов Caterpillar гораздо выше нежели самосвалов БелАЗ. Здесь, конечно, еще сказывается нетарифное регулирование, но необходимость рекламы как раз подчеркивается: никто не посмеет запретить ввоз качественного и известного товара. А развернуть такое производство с нуля в рамках импортозамещения требует колоссальных материальных затрат и времени.

Третий фактор – повышение качества. Один из самых весомых факторов внешней торговли. Беларусь, в основном, сильно выделяется качеством продуктов питания. Остальные страны также стремятся к увеличению качественных показателей. Чтобы не терять прибыль и расширять производство, а соответственно стимулировать экономический рост, требуется планомерно повышать планку, находить новые технологии, позволяющие более натурально и более безопасно выращивать продукты питания.

Четвертый фактор – расширение номенклатуры высокотехнологичных товаров и услуг, а на этой основе повышение цен на них. В мире в лидирующих позициях, в основном, в области высокотехнологичных товаров и услуг находится Япония. Нашей Республике следует также расширять производство таких объектов. Например, организация «АДАНИ» уже успешно производит и продает аппараты МРТ и рентгена. Они имеют популярность в мире, обладают высоким качеством. Для увеличения экономического роста Республики Беларусь, следует внедрять товары такого типа во все ниши мирового рынка.

Теперь рассмотрим импортозамещение. Это – государственная политика, направленная на рационализацию импорта товаров и услуг посредством стимулирования отечественных производителей аналогичных продуктов, создание на территории страны новых предприятий, в том числе и с участием иностранного капитала для организации выпуска продукции, которая прежде импортировалась [6]. Беларусь совместно с Россией стали на путь развития этого направления после ввода масштабных санкций в 2022 году.

Введение импортозамещения в основном наблюдается в сферах химической промышленности, фурнитуры, машиностроении и микроэлектронике. Сложность наладки производства заключается в материальных и временных затратах, но, например, Минский велозавод постепенно осваивает производство мотоциклов, где значительная доля комплектующих белорусские. Также создаются совместные белорусско-китайские организации, где в рамках партнерства двух стран налаживается производство товаров, недоступных по тем или иным причинам. Китай является признанным лидером этой области. Он в кратчайшие сроки смог развить производство легковых автомобилей и практически заполнил рынок Беларуси и Российской Федерации. При этом эта продукция не уступает по качеству немецким машинам.

Список литературы

1. Короленок Г.А. Внешнеторговые отношения Республики Беларусь / Г.А. Короленок, Т.А. Осипович. - Минск: РИВШ, 2015. - 346 с.
2. Внешняя торговля Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/>. – Дата доступа: 15.04.2025.
3. Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период [Электронный ресурс] : Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://mfa.gov.by/trade/>. — Дата доступа: 15.04.2025.
4. Внешняя торговля // Сайт президента Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/vneshnjaja-torgovlya/eksportnye-tovary-i-uslugi>. – Дата доступа: 15.04.2025.

5. Котлер Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер, Т. Клекота. – Москва: Вильямс, 2003 – 1200 с.

6. Импортозамещение // Белорусский фонд защиты предпринимателей. – [Электронный ресурс]. – 2024 – Режим доступа: <https://www.belarp.by/ru/subcontractation/infomat>. – Дата доступа 15.04.2025.

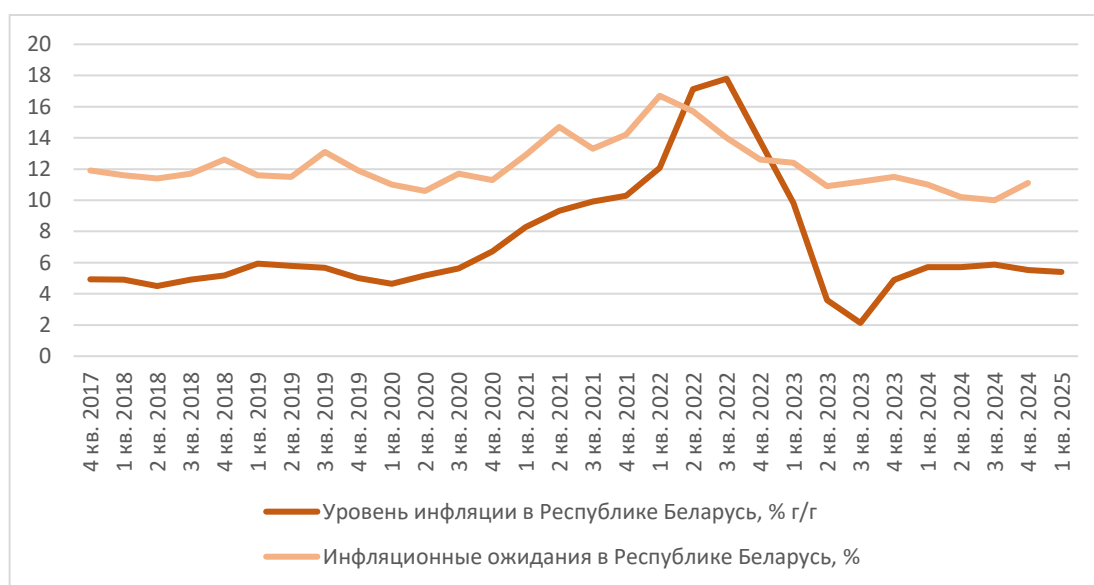
Политика Национального банка Республики Беларусь по управлению инфляционными ожиданиями

Демид Д.Р.
ФМЭО, 4 курс, 21ДАЭ

*Руководитель: доцент, кандидат экономических наук
Горбатенко И.В.*

Инфляционные ожидания являются важным фактором экономического поведения домохозяйств и предприятий и, как следствие, эффективности монетарной политики. Национальный банк Республики Беларусь (НБ РБ) придаёт управлению ими важное значение. Это особенно актуально для обеспечения макроэкономической стабильности в условиях экономики с формирующимися рынками, внешних шоков и ограниченного институционального доверия. Основная задача заключается в закоривании ожиданий на целевом уровне инфляции (около 5%), посредством прозрачной коммуникации, последовательной монетарной политики и повышения финансовой грамотности населения.

Для оценки инфляционных ожиданий с ноября 2017 года НБ РБ проводит ежеквартальные опросы об инфляционных ожиданиях [1], которые не только собирают данные, но и информируют население о целях монетарной политики. Их результаты представлены на рисунке.

**Рисунок – Динамика инфляционных ожиданий и уровня инфляции
в Республике Беларусь (4 кв. 2017 – 1 кв. 2025)**

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [1].

Ожидания населения стабильно превышают фактическую инфляцию. Они демонстрируют высокую чувствительность к экономическим кризисам, что усиливает инфляционное давление.

В рамках перехода к режиму инфляционного таргетирования, начатого в 2015 году, НБ РБ реализует комплекс мер, направленных на управление инфляционными ожиданиями [2].

Прозрачная коммуникационная стратегия выступает ключевым инструментом формирования рациональных инфляционных ожиданий. НБ РБ регулярно публикует отчёты, обзоры, пресс-релизы и разъяснительные материалы, способствующие повышению доверия экономических агентов. Как отмечает Левенков А., регламентированная практика публикации дат заседаний Правления НБ РБ и структурированные пресс-релизы, включающие разделы о принятом решении, его обосновании, динамике инфляции, денежно-кредитных условиях, экономической активности и инфляционных рисках, повышают прозрачность и снижают инерцию ожиданий [3, с. 8]. Майборода Т. подчёркивает важность адаптации коммуникации к когнитивным особенностям аудитории, предлагая использовать краткие сообщения в социальных сетях для населения с низким уровнем финансовой грамотности, тогда как аналитические отчёты ориентированы на профессионалов [4]. Регулярные пресс-конференции и публичные выступления представителей НБ РБ также способствуют разъяснению экономической ситуации и планов регулятора.

Кроме того, Майборода Т. акцентирует внимание на когнитивных искажениях, влияющих на формирование инфляционных ожиданий. Например, в Сингапуре в 2019 году при фактической инфляции 0,5% около 21% населения ожидали инфляцию выше 6% из-за влияния прошлого опыта, включая мировой финансовый кризис [4]. Адаптивные ожидания, основанные на личном опыте, усиливают переоценку инфляции, что затрудняет её закоривание. НБ РБ может применять поведенческие подходы, такие как упрощённые форматы коммуникации и образовательные кампании, для формирования рациональных ожиданий.

Важным инструментом влияния на инфляционные ожидания является ставка центрального банка. Повышение ставки сигнализирует о намерении центрального банка сдерживать инфляцию, что способствует снижению ожиданий роста цен. Однако эффективность процентной политики ограничена низкой ликвидностью финансового рынка и высокой долларизацией экономики. Доверие к процентной политике зависит от её восприятия: отклонения от ожиданий могут интерпретироваться как некомпетентность, снижая доверие к регулятору [4].

Для повышения эффективности работы процентного канала монетарной политики и уменьшение зависимости инфляционных ожиданий от валютных колебаний НБ РБ прилагает значительные усилия, направленные на снижение уровня долларизации экономики. Регулятор стимулирует кредитование в национальной валюте, установив целевой показатель доли рублёвых кредитов на уровне не менее 74% в 2025 году, при общем объёме кредитов 195–200 млрд рублей [5]. Дедолларизация уменьшает воздействие внешних шоков на инфляционные ожидания, укрепляя устойчивость экономики. Напротив, высокая долларизация усиливает адаптивные ожидания, поскольку население

ориентируется на изменения валютных курсов, а не на меры монетарной политики, что повышает чувствительность к внешним факторам [4].

Поддержание гибкого номинального обменного курса позволяет смягчать воздействие внешних шоков без прямого вмешательства в валютный рынок. Это способствует стабилизации инфляционных ожиданий, снижая зависимость экономических агентов от валютных колебаний [2]. Гибкий обменный курс уменьшает восприятие неопределённости, укрепляя доверие к политике центрального банка [4].

Тем не менее, НБ РБ сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, инфляционные ожидания в Беларуси носят преимущественно адаптивный характер, формируясь на основе прошлой инфляции и экономических шоков, что затрудняет их закоривание на целевом уровне. Во-вторых, низкая ликвидность финансового рынка ограничивает использование рыночных индикаторов, таких как доходность облигаций, для оценки ожиданий, вынуждая НБ РБ полагаться на опросы, которые имеют ограничения в точности. В-третьих, внешние шоки, включая геополитическую нестабильность, санкции и высокую зависимость от российской экономики, создают дополнительные инфляционные риски. Наконец, низкий уровень финансовой грамотности населения усиливает переоценку инфляции, особенно в условиях экономической нестабильности.

Для повышения эффективности управления инфляционными ожиданиями НБ РБ может рассмотреть следующие направления. Во-первых, усиление коммуникационной стратегии через расширение каналов, включая социальные сети, и публикацию долгосрочных прогнозных сценариев может повысить доверие экономических агентов. В исследованиях предлагается дополнить текущую практику регулярными пресс-конференциями и публикацией стенограмм заседаний Правления [3]. Кроме того, рекомендуется использовать упрощённые форматы коммуникации для широкой аудитории и образовательные программы для повышения финансовой грамотности [4]. Во-вторых, интеграция больших данных, таких как анализ поисковых запросов и активности в социальных сетях, может дополнить традиционные опросы, повышая точность оценки ожиданий [2]. В-третьих, расширение выборки опросов за счёт включения сельских жителей и представителей малого бизнеса улучшит репрезентативность данных. В-четвёртых, публикация долгосрочных прогнозов на 5–10 лет может способствовать стабилизации ожиданий в долгосрочной перспективе. Наконец, учёт поведенческих факторов, включая асимметричное восприятие экономической информации, и разработка коммуникационных стратегий на основе международного опыта (например, ценовые эксперименты) [6] позволят снизить влияние когнитивных искажений.

Список литературы

- 1 Информация об инфляционных ожиданиях [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/publications/inflationexp>. – Дата доступа: 29.04.2025.
- 2 О концептуальных вопросах перехода к инфляционному таргетированию в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/mp/obuchenie/prezentacii/perekhod-k-inflyacionnomu-targetirovaniyu.pdf>. – Дата доступа: 21.02.2025.
- 3 Левенков, А. Коммуникационная политика центрального банка в контексте перехода к инфляционному таргетированию / А. Лавенков // Банкаўскі веснік. – 2018. – № 6. – С. 3–9.
- 4 Майборода, Т. Поведенческие подходы центральных банков к реализации денежно-кредитной политики / Т. Майборода // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 6. – С. 9–13.
- 5 Национальный банк Беларуси утвердил Основные направления денежно-кредитной политики на 2025 год // БелТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eng.belta.by/economics/view/belarus-national-bank-approves-monetary-policy-guidelines-for-2025-162052-2024/>. – Дата доступа: 21.03.2025.
- 6 Майборода, Т. Л. Коммуникационная политика как способ управления инфляционными ожиданиями / Т. Л. Майборода, Н. Н. Кончевская // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2022. – № 15 – С. 294–300.

Причины возникновения внешнего долга Республики Беларусь

*Колыбенко А.В.
МЭО, 4 курс, 21ДАЭ-1*

*Руководитель: кандидат экономических наук, доцент
Горбатенко И.В.*

Проблема накопления внешнего долга является вызовом для многих стран, и Беларусь не является исключением. Растущие обязательства перед международными кредиторами ставят под угрозу суверенитет, устойчивое развитие и способность страны осуществлять независимую экономическую политику. В связи с этим, понимание причин, лежащих в основе формирования внешнего долга, становится задачей, необходимой для разработки эффективных мер по снижению долговой нагрузки и предотвращению будущих долговых кризисов.

За период с 01.01.2007 г. по 01.01.2025 г. внешний долг вырос с 6,8 до 35,2 млрд долл. США, достигая в отдельные годы 42,0 млрд долл. США (рисунок 1).

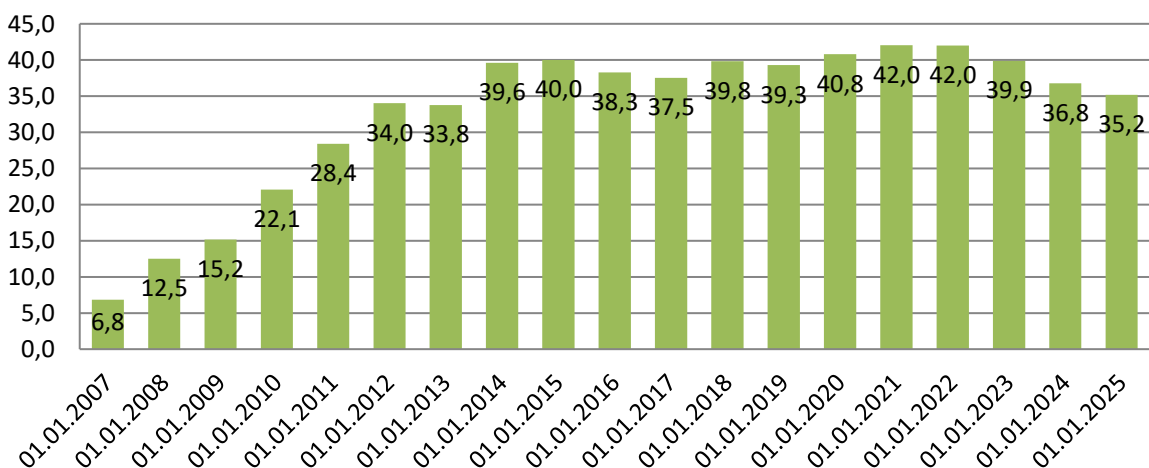

Рисунок 1 – Динамика внешнего долга за 2007–2025 годы, млрд. долл. США

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [1].

При этом стремительный рост внешнего долга наблюдался в 2007–2013 гг. С 2014 по 2021 гг. абсолютная величина долга стабилизировалась и колебалась в не очень значительных пределах. В последующие годы наметилась тенденция к его уменьшению.

Динамика относительной величины внешнего долга несколько отличается (рисунок 2). Это обусловлено, главным образом, значительными колебаниями валютного курса.

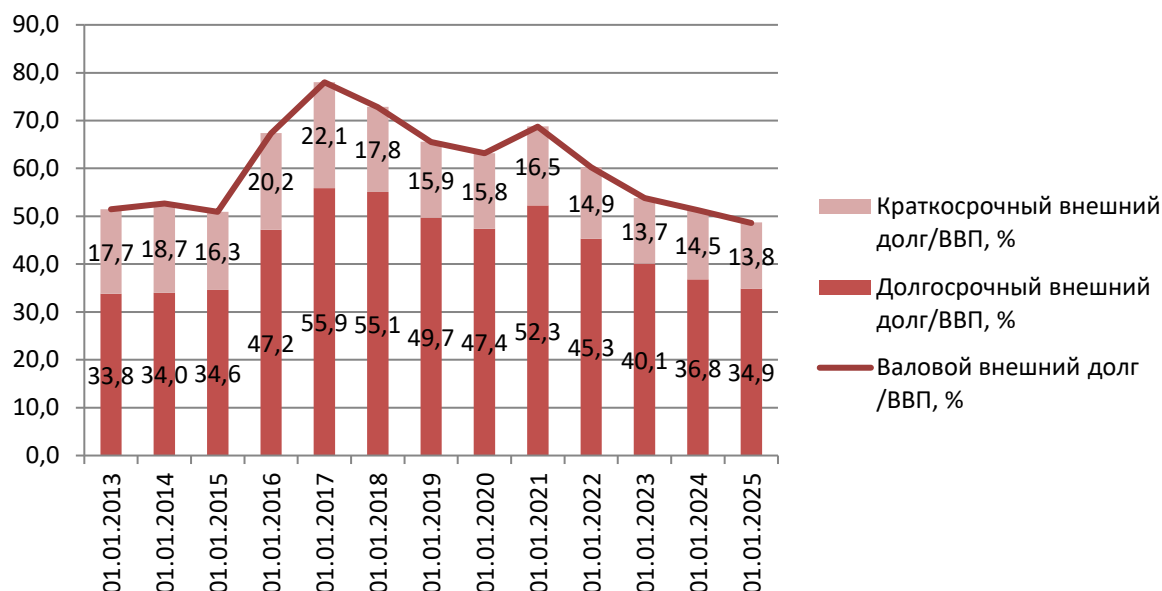

Рисунок 2 – Динамика внешнего долга к ВВП за 2012–2025 годы, %

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [1].

Одним из ключевых факторов изменения внешнего долга является состояние счета текущих операций платежного баланса. Дефицит счета текущих операций свидетельствует о превышении расходов страны над ее доходами, что требует привлечения внешнего финансирования для покрытия разрыва. Напротив, профицит счета текущих операций позволяет снижать объем заимствований и укреплять внешнюю устойчивость экономики.

В 2007–2011 гг. дефицит счета текущих операций колебался в пределах 6–14 % ВВП, достигая пика в 2010 году на уровне –14,5 % ВВП (рисунок 3). Это указывало на выраженную внешнюю разбалансированность экономики, обусловленную активным ростом инвестиций и потребления. В указанный период дефицит финансировался за счёт внешних заимствований, что сопровождалось быстрым накоплением внешнего долга.

В 2012–2014 гг. сохранялся умеренный дефицит в пределах 2,8 % – 10,1 % ВВП, что отражало снижение темпов роста импорта на фоне замедления экономической активности и последствия обесценения национальной валюты в 2011 г. Однако внешняя уязвимость по-прежнему оставалась высокой, что предопределяло зависимость от поступлений капитала из-за рубежа.

Период 2015–2020 гг. ознаменовался тенденцией к сокращению дефицита, а в отдельные годы – его полным устранением. Так, в 2017 году зафиксирован профицит счета текущих операций на уровне +1,7 % ВВП, а в 2021–2022 гг. он усилился до +3,1 % и +3,5 % соответственно. Это стало следствием ограниченного внутреннего спроса, девальвации национальной валюты, сжатия импорта и адаптации к новым внешнеэкономическим условиям в условиях санкционного давления и падения внешнего финансирования.

Рисунок 3 – Динамика счета текущих операций в 2007–2024 годы в процентах к ВВП

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [2].

В 2023–2024 гг. сальдо вновь стало отрицательным (–1,5 % ВВП в 2023 году и –2,5 % ВВП в 2024 году), что может свидетельствовать о постепенном восстановлении импорта и сокращении экспортных доходов в условиях нестабильной внешней конъюнктуры. Несмотря на относительно умеренный дефицит, внешняя уязвимость сохраняется, а рост доли внешнего долга в ВВП требует проведения сбалансированной внешнеэкономической политики.

Рассмотрение динамики счета текущих операций в целом позволяет выявить общие тенденции его изменения и их влияние на внешний долг. Однако для более глубокого понимания факторов, определяющих его динамику, целесообразно рассмотреть структуру счета текущих операций, включающую три ключевых компонента: сальдо внешней торговли товарами и услугами, баланс первичных доходов и баланс вторичных доходов.

Основной вклад в формирование дефицита вносило отрицательное сальдо внешней торговли товарами и услугами, которое достигло наименьшего значения в 2010 году (–7,5 млрд долл. США). В 2011 году, несмотря на значительное улучшение торгового баланса (–1,2 млрд долл.), счёт текущих операций остался отрицательным из-за резкого ухудшения сальдо вторичных доходов и дальнейшего роста оттока первичных доходов.

Отрицательное сальдо первичных доходов на протяжении всего рассматриваемого периода обусловлено высокими выплатами процентов по внешним займам и репатриацией прибыли иностранных инвесторов (рисунок 4).

Баланс вторичных доходов включает в себя безвозмездные трансферты, такие как денежные переводы трудовых мигрантов и международная финансовая помощь. В 2015–2024 гг. наблюдался умеренный приток вторичных доходов, что частично компенсировало дефицит торгового баланса.

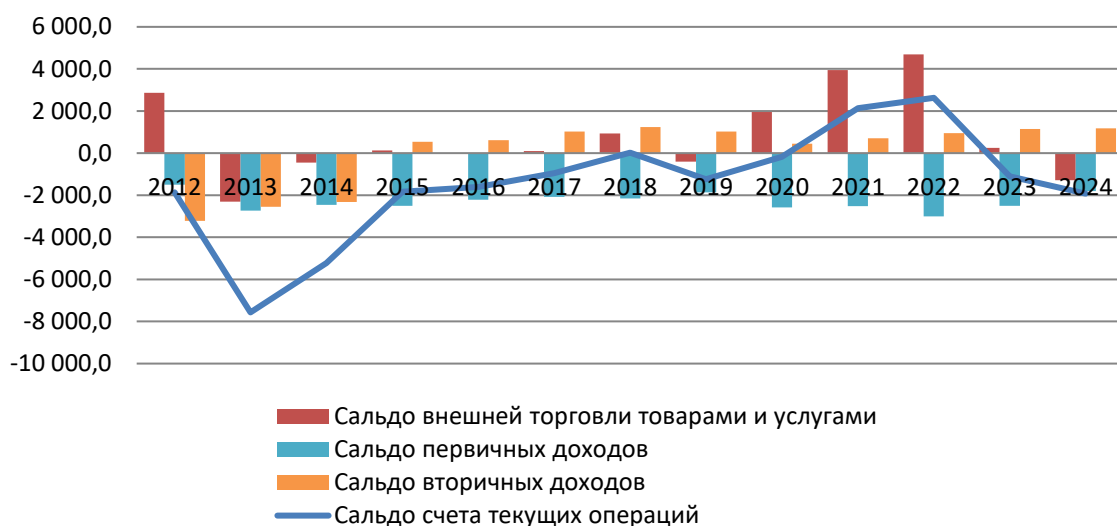

Рисунок 4 – Динамика структуры счета текущих операций с 2012 по 2023 годы в млн долларов США

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [2].

Так как основной причиной дефицита счета текущих операций является отрицательное сальдо внешней торговли товарами и услугами, следует рассмотреть подробнее факторы, влияющие на его изменение.

Валютный курс является одним из ключевых макроэкономических индикаторов, оказывающих влияние на внешнюю торговлю и внешний долг. Динамика курса национальной валюты определяет конкурентоспособность экспортируемых товаров и услуг, а также влияет на стоимость обслуживания внешнего долга, номинированного в иностранной валюте.

На рисунке 5 можно выделить несколько ключевых тенденций изменения курса белорусского рубля к основным валютам – доллару США, евро и российскому рублю.

Рисунок 5 – Средний официальный курс белорусского рубля по отношению к иностранным валютам, в белорусских рублях

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [3].

Курс к российскому рублю демонстрирует относительную стабильность, что связано с тесной экономической интеграцией Беларуси и

России. В период с 2016 по 2024 год курс изменился с 2,97 до 3,51 белорусского рубля за 100 российских рублей. Максимальное значение в 3,88 было зафиксировано в 2022 году, что может быть связано с повышенной волатильностью на валютных рынках после введения санкций против России.

Курс к доллару США также испытывал колебания. В 2016 году он составлял 1,99, затем снизился до 1,93 в 2017 году, но начиная с 2019 года начал постепенно расти, достигнув 3,25 в 2024 году. Это можно объяснить как внешними факторами (укрепление доллара на мировых рынках), так и внутренними макроэкономическими условиями.

Курс к евро показывал аналогичную динамику, с ростом в периоды экономической нестабильности. В 2016 году курс составлял 2,20, затем в 2017 году снизился до 2,18, после чего начал расти, достигнув 3,51 в 2024 году.

Текущее снижение внешнего долга можно расценивать как позитивный тренд, однако его устойчивость будет зависеть от способности страны поддерживать положительное сальдо счета текущих операций, привлекать внешние инвестиции и обеспечивать макроэкономическую стабильность. В условиях ограниченного доступа к международным рынкам капитала необходимо искать новые формы финансирования, включая развитие внутренних источников и привлечение долгосрочных стратегических инвестиций.

Список литературы

- 1 Валовой внешний долг Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/statistics/externaldebt>. – Дата доступа: 25.05.2025.
- 2 Платежный баланс Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/statistics/balpay>. – Дата доступа: 25.05.2025.
- 3 Средний официальный курс белорусского рубля по отношению к иностранным валютам [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/statistics/rates/avgrate>. – Дата доступа: 25.05.2025.

Пути снижения издержек производства в организации

Паутова Е.Б.
МЭО, 4 курс, 21ДАЭ-1

*Руководитель: доктор экономических наук, профессор
Воробьев В.А.*

В условиях современной рыночной экономики любая организация стремится к получению прибыли и ведению эффективной финансово-хозяйственной деятельности, сохраняя при этом финансовую устойчивость и конкурентоспособность своих товаров или услуг на соответствующих рынках. Учитывая динамичность и высокую скорость развития рыночной среды, издержки производства выступают одним из ключевых факторов стабильного развития хозяйствующего субъекта.

Задача исследования издержек производства является одной из важнейших в современной экономике, поскольку без их глубокого анализа невозможно установить законы формирования цен ресурсов и товаров, оценить доходы и их распределение между участниками производства, оценить эффективность производства и, в конечном счете, товарно-денежного обмена, характерного для рыночной экономики [1].

Эффективное управление затратами напрямую влияет на финансовый результат деятельности компании: чем меньше затраты на производство и реализацию продукции или работ (услуг), тем выше ее чистая прибыль. Высокая прибыль позволяет организации реинвестировать свободные денежные средства в обновление материально-технической базы, внедрение новых технологий и научно-конструкторских разработок, обучение персонала и развитие в целом. Кроме того, высокая прибыльность компании привлекает потенциальных партнеров и помогает формировать резервы на случай непредвиденных кризисных ситуаций.

Издержки производства представляют собой сложную экономическую категорию, отражающую совокупность затрат на создание и реализацию продукции. Их структура и динамика зависят от множества факторов, включая технологические процессы, ценовую политику, организацию труда и внешние экономические условия. В связи с этим вопросы оптимизации издержек остаются актуальными как для теоретических исследований, так и для практического применения в управлении предприятием.

Современные организации сталкиваются с необходимостью постоянного поиска резервов снижения затрат для повышения рентабельности и адаптации к изменяющимся рыночным условиям. В этом контексте особую значимость приобретают методы управления издержками, основанные на анализе их структуры, выявлении неэффективных расходов и внедрении инновационных подходов к минимизации затрат.

Издержки производства – денежное выражение затрат производственных факторов, необходимых для осуществления предприятием

своей производственной и коммерческой деятельности вне зависимости от формы их списания [2]. Рассмотрим возможные направления их снижения в организации на примере РУП «Институт защиты растений». Республиканское научное дочернее унитарное предприятие «Институт защиты растений» является ведущим научным и методическим центром, который занимается координацией научных исследований по защите сельскохозяйственных растений от вредителей и болезней в Республике Беларусь. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2006 г. № 242 [3], институт входит в состав РУП «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по земледелию» [4].

Основным видом деятельности организации является научное обслуживание производства, а в область научной деятельности института входят:

- проведение поисковых исследований, разработка, а также научно-производственная проверка применительно к конкретным природно-климатическим зонам республики экологически безопасных приемов, методов и систем защиты растений от вредителей, болезней и сорных растений;
- разработка рекомендаций для хозяйств, арендаторов, фермеров, кооперативов по интегрированным системам защиты сельскохозяйственных культур от вредителей, болезней и сорняков с использованием агротехнического, биологического, химического и других методов защиты растений;
- разработка прогрессивных технологий защиты урожая сельскохозяйственных культур от вредителей, болезней и сорняков, отвечающих требованиям высокоинтенсивного сельскохозяйственного производства, с выдачей соответствующих технологических карт и нормативных материалов и многие другие [5].

Как уже отмечалось выше, снижение издержек производства – один из ключевых факторов повышения экономической эффективности хозяйственной деятельности предприятия. Уровень издержек напрямую влияет на его конкурентоспособность, рентабельность и финансовую устойчивость. Рассмотрим основные направления оптимизации структуры издержек производства и пути их снижения для РУП «Институт защиты растений».

1. Обновление лабораторного оборудования. Основная цель работы института – разработка технологий защиты сельскохозяйственных культур от вредителей, болезней и сорняков, а также средств защиты растений, в том числе на основе отходов местного производства и микроорганизмов-антагонистов, определение биологической и хозяйственной эффективности препаратов, поэтому рекомендуется обновить лабораторное оборудование.

Устаревшее оборудование снижает эффективность производственного процесса: проводимые испытания требуют больших затрат времени, не всегда при использовании такого оборудования получаются точные результаты, соответственно, погрешности полученных результатов выше – качество

предоставляемых услуг ниже, а оборудование требует более частой калибровки.

Современные приборы же обладают повышенной точностью, автоматизированной калибровкой и, с учетом научно-технического прогресса, дают более точные результаты, что в конечном итоге приводит к снижению затрат и повышению эффективности и конкурентоспособности проводимых испытаний, а также к возможности расширения ассортимента предоставляемых услуг. Современное оборудование поддерживает подключение к LIMS (лабораторным информационным системам), что позволяет автоматически передавать данные с прибора на ПК. Это обеспечит повышение производительности труда, так как новое оборудование позволяет освоить больший объем работ за меньшее количество времени.

Стоит отметить также возрастающие затраты на ремонт и содержание устаревшего оборудования: зачастую они превышают затраты на покупку нового. Приобретение нового оборудования способствует также уменьшению доли амортизации в структуре себестоимости – больший срок полезного использования позволит более эффективно распределить затраты на амортизацию во времени.

Говоря об обновлении материально-технической базы, стоит упомянуть и необходимость обновления автомобильного парка и парка сельскохозяйственных машин, которая уже происходит в институте. Так как, учитывая специфику деятельности организации, сотрудникам часто приходится выезжать в хозяйства и фирмы по всей стране, надежный транспорт – важный аспект в повышении эффективности деятельности предприятия. Новые машины экономичнее в содержании – их расход топлива ниже, соответственно снижаются и затраты на его покупку, снижаются затраты на ГСМ и ремонт. Так же, как и в случае с сельскохозяйственной техникой, устаревшие модели автомобилей требуют закупки дополнительных запчастей и более частых ремонтов, ведущих к вынужденным простоям.

2. Внедрение новых цифровых и информационных технологий также способствует повышению производительности труда и снижению некоторых затрат. Учитывая сферу деятельности РУП «Институт защиты растений», целесообразно рассмотреть внедрение технологий в процесс ухода за опытными полями и выращивания сельскохозяйственных культур.

К примеру, стоит рассмотреть приобретение систем почвенных сенсоров, предназначенных для мониторинга влажности, температуры и кислотности почвы. Такое решение способствует более точному поливу и внесению удобрений, что в долгосрочной перспективе позволит снизить затраты на воду, удобрения и энергоресурсы за счет более точного дозирования вводимых веществ. Помимо этого, благодаря созданию оптимальных условий для роста культур возрастет и урожайность, что является одним из направлений, по которому предприятие предоставляет услуги. Немаловажным аргументом за приобретение данного оборудования выступает и снижение трудозатрат на измерение параметров состояния почвы вручную. Автоматизация процессов производства способствует повышению

производительности труда и снижению переработок. Немаловажным плюсом является возможность удаленного мониторинга через мобильные приложения и автоматического управления поливом, что позволит значительно сократить расходы на командировки и простои в работе из-за отсутствия специалистов на рабочих местах в связи с ними. В заключение, современные модели устойчивы к коррозии и работают в широком диапазоне температур, что позволяет осуществлять минимальные затраты на ремонт и обновление такого оборудования.

В дополнение к сенсорам можно приобрести системы автономного полива и опрыскивания полей средствами защиты растений (СЗР). Для обработки растений также можно рассмотреть использование дронов, которые позволяют проводить точечные обработки, повышая точность проводимых исследований и упрощая работу агрономов и лаборантов. Покупка дронов для мониторинга – это инвестиция в повышение урожайности, снижение затрат и минимизацию рисков. Основным аргументом в пользу такого решения выступает снижение использования ручного труда: обход опытных полей агрономами и лаборантами требует значительных затрат времени и денежных ресурсов, дрон же может обследовать десятки гектаров за незначительный промежуток времени. Однако, стоит отметить осложнение использования дронов в связи с действующим законодательством Республики Беларусь: на приобретение беспилотных летательных аппаратов и ввоз их на территорию страны требуется получение разрешения, выдаваемого Департаментом по авиации Министерства транспорта и коммуникаций. Помимо этого, сотрудники, работающие с дронами, обязаны пройти специальную подготовку для операторов гражданских БЛА, требования к которой определяются Советом Министров Республики Беларусь [6]. На каждый полет дрона также требуется получить разрешение. Совокупность этих фактов ведет к дополнительным расходам на оформление необходимых документов и обучение сотрудников. Тем не менее, на наш взгляд, данные затраты окупаются выгодами от использования такого оборудования.

3. Снижение управленческих расходов. Управленческие расходы представляют собой совокупность затрат, связанных с обеспечением функционирования аппарата управления организацией, включая административно-хозяйственные, кадровые и другие непроизводственные издержки. Снижение данных затрат возможно за счет внедрения современных технологий.

Для РУП «Институт защиты растений» можно предложить постепенный переход на использование облачных сервисов для учета и хранения документов вместо их печати. Введение единой системы электронного документооборота и использование электронной цифровой подписи, помимо экономии на бумаге и заправке принтеров, способствует снижению временных затрат на согласование документов. Так, сотрудник вместо сбора физических подписей нужных специалистов или личной консультации с ними может загрузить документ на специализированную платформу, сэкономив тем самым как свое время, которое будет потрачено на исполнение его основных

обязанностей, так и время специалистов, которым не придется отвлекаться от исполнения своих служебных обязанностей. Помимо этого, сокращается и время на поиск архивных документов, которые при необходимости можно будет найти намного быстрее, чем при поиске в архивных томах. Еще одним аргументом за ведение электронного документооборота выступает доступность документов всем работникам организации, что значительно упрощает коммуникацию и сокращает затраты на ее осуществление (например, снизятся затраты на использование телефонной связи). Доступность также важна, учитывая частоту командировок сотрудников РУП «Институт защиты растений». Таким образом, им не придется возить с собой физические копии документов. Такой формат ведения документации дает больше возможностей для осуществления удаленного или гибридного формата работы. Следует рассмотреть и возможность внедрения систем автоматизации отчетности. Такие системы позволяют упростить написание отчетов и сделать их более наглядными. Кроме того, они значительно экономят время сотрудников: вместо ручного ввода данных отчет формируется за несколько простых шагов, кроме того, снижается риск ошибок из-за человеческого фактора.

Экономические расчеты, осуществленные в исследовании, показали, что приобретение нового лабораторного оборудования, обновление машинно-тракторного парка, а также внедрение новых технологий как в процессы, непосредственно связанные с основной деятельностью предприятия, так и в работу поддерживающих подразделений, позволяют снизить издержки производства в РУП «Институт защиты растений».

Список литературы

1. Седова, А.В. Экономическая сущность и классификация производственных затрат / А.В. Седова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 2 (Часть 2). – С. 46–50.
2. Экономика организации (предприятия): учебное пособие / Т. К. Руткаускас [и др.]; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Т. К. Руткаускас. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. – 260 с.
3. О создании научно-практических центров Национальной академии наук Беларуси и некоторых мерах по осуществлению научной деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 18 апреля 2006 г., №242 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2025. – Дата доступа: 15.05.2025.
4. Об институте [Электронный ресурс] / Институт Защиты растений Беларуси. – Режим доступа: https://izr.by/pages/ob_institute. – Дата доступа: 15.05.2025.
5. Направление исследований [Электронный ресурс] / Институт Защиты растений Беларуси. – Режим доступа: <https://izr.by/pages/napravlenie>. – Дата доступа: 31.03.2025.

6. О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов: Указ Президента Респ. Беларусь, 25 сентября 2023 г., №297 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2025. – Дата доступа: 15.05.2025.

Инфляционные процессы в Республике Беларусь: факторы и прогнозирование

Седловская В.Г.
ФМЭО, 4 курс, 21ДАЭ-1

Руководитель: доктор экономических наук, профессор
Воробьев В.А.

Анализ и прогнозирование инфляции являются ключевыми задачами макроэкономического регулирования, однако их реализация осложняется стохастичностью инфляционных процессов и мультиколлинеарностью макроэкономических индикаторов. Современные методы исследования включают спектр подходов — от экспертных оценок до эконометрического моделирования, с акцентом на оперативный инструментарий для краткосрочных прогнозов динамики монетарных показателей.

Критически важным остается идентификация природы инфляции (монетарная/немонетарная, спрос/издержки), что существенно влияет на выбор политических мер. Экономическая наука предлагает около 20 специализированных моделей, адаптированных к различным институциональным контекстам и типам шоков [1, 2].

В рамках данного исследования был применен метод множественной регрессии, доказавший свою эффективность в аналогичных исследованиях. При построении модели множественной регрессии решаются задачи определения возможности использования факторных признаков $X_1, \dots, X_2, X_3$ в уравнении множественной регрессии и определения наиболее существенных факторных признаков, влияющих на значение результативного признака [3].

В исследовании инфляционных процессов в Республике Беларусь применен методологически обоснованный набор макроэкономических переменных, отражающих эндогенные и экзогенные детерминанты инфляции. Учитывая высокую открытость экономики и зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, модель включает денежную массу (M_0) как индикатор монетарного давления, номинальный обменный курс белорусского рубля к доллару США ($Exrr$) для оценки валютного канала инфляции, темп прироста индекса цен производителей (ΔPPI), отражающий затратные факторы, и уровень инфляции в России ($Infl_Rus$), характеризующий эффект импортируемой инфляции.

Выбор переменных обусловлен их теоретической значимостью в рамках трансмиссионных механизмов инфляции и эмпирической релевантностью для малых открытых экономик. Включение внешнего фактора ($Infl_Rus$) акцентирует синхронизацию инфляционных процессов в условиях экономической интеграции, а учет лаговых значений обеспечивает соответствие гипотезе инерционности ценовой динамики.

В данном исследовании используется временной интервал оценивания моделей с января 2015 г. по декабрь 2024 г. Для этого периода характерен

свободные режимы курсообразования белорусского и российского рубля, а также проведение Национальным банком Республики Беларусь денежно-кредитной политики, направленной на ценовую стабильность в экономике [4].

Оценка параметров регрессионной модели выполнена методом наименьших квадратов (МНК) с использованием инструментария Analysis ToolPak в Microsoft Excel. Независимые переменные заданы как регрессоры, что обеспечило строгий методологический подход к прогнозированию инфляции через анализ коэффициентов регрессии. Эти коэффициенты количественно характеризуют влияние факторов на целевую переменную, выполняя три функции: оценку направленности и силы воздействия предикторов, проверку устойчивости модели через статистическую значимость (p-value) и формирование точечных оценок и доверительных интервалов для прогнозов. Интеграция коэффициентов в прогностический алгоритм повышает надежность модели за счет исключения нерелевантных переменных. Статистическая значимость коэффициентов (низкий p-value) подтверждает валидность связей, увеличивая точность прогнозов. Корректная интерпретация коэффициентов минимизирует систематические ошибки, например, смещение оценок из-за пропущенных переменных, что критично для монетарного регулирования.

Например, коэффициент при переменной монетарной политики определяет степень влияния изменения процентной ставки на инфляцию. Его точная оценка повышает эффективность антиинфляционных мер, тогда как незначимость коэффициента требует пересмотра модели. Применение МНК с анализом коэффициентов формирует методологическую основу для прогнозных моделей, выявляя причинно-следственные связи и соответствуя требованиям макроэкономической аналитики. Акцент на p-value как индикаторе надежности, объяснение роли коэффициентов в построении доверительных интервалов и связь их точности с эффективностью политических решений стали ключевыми аспектами модернизации подхода.

Таблица 1 – Анализ регрессионной модели влияния макроэкономических факторов на инфляцию

	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>
Y-пересечение	4,176533682	0,441657042	9,456508751	4,78503E-16
M0	-0,097404078	0,012103062	-8,04788739	8,51247E-13
Exrr	0,019862445	0,019188988	1,035096007	0,302795817
ΔPPI	0,038252787	0,015227066	2,512157426	0,013386357
Infl_Rus	0,850881589	0,046490903	18,30210928	7,34002E-36

Примечание — Собственная разработка на основе источников [5, 6, 7, 8].

Регрессионный анализ инфляции, построенный методом МНК, выявил значимое влияние денежной массы (M0), индекса цен производителей (ΔPPI) и инфляции в России (Infl_Rus) (табл. 1). Коэффициент Infl_Rus (0,85) показывает, что рост инфляции в России на 1 п. п. увеличивает инфляцию в Беларуси на 0,85 п. п. Отрицательный коэффициент M0 (-0,097) подтверждает

сдерживающий эффект сокращения денежной массы. Y-пересечение (4,176) отражает базовый уровень инфляции при нулевых факторах. Стандартные ошибки коэффициентов (например, 0,046 для $Infl_Rus$) и t-статистика ($Infl_Rus$: 18,3; $M0$: -8,05) подтверждают значимость этих переменных (p -value ≈ 0). Обменный курс ($Exrr$) статистически незначим ($p = 0,303$), что требует дополнительного исследования его роли.

Модель применима для краткосрочного прогнозирования, но нуждается в регулярной актуализации данных и учете качественных факторов (инфляционные ожидания, политические риски). Для долгосрочных прогнозов рекомендованы динамические модели (VAR, ARIMA) с экзогенными переменными, отражающими структурные изменения. Контроль инфляции в России и регулирование $M0$ — ключевые инструменты антиинфляционной политики.

$$Infl_t = 4,18 - 0,1M0_{t-1} + 0,02Exrr_{t-2} + 0,04\Delta PPI_{t-1} + 0,85Infl_{Rus_{t-1}} \quad (1)$$

(9,44) (0,01) (0,02) (0,05)

Модель регрессии формирует количественную основу для антиинфляционной политики, но требует дополнения качественным анализом институциональных и структурных факторов (налогово-бюджетная политика, монополизация, геополитические риски), которые могут модифицировать выявленные зависимости.

Использование переменных с разной значимостью (например, $Infl_Rus$ с лагами) позволяет строить краткосрочные прогнозы, учитывающие инерционность экономических процессов (рис. 1). Даже незначимые коэффициенты ($Exrr$ с лагом $t-2$) улучшают модель, отражая запаздывающие эффекты, такие как влияние курса на импортные цены.

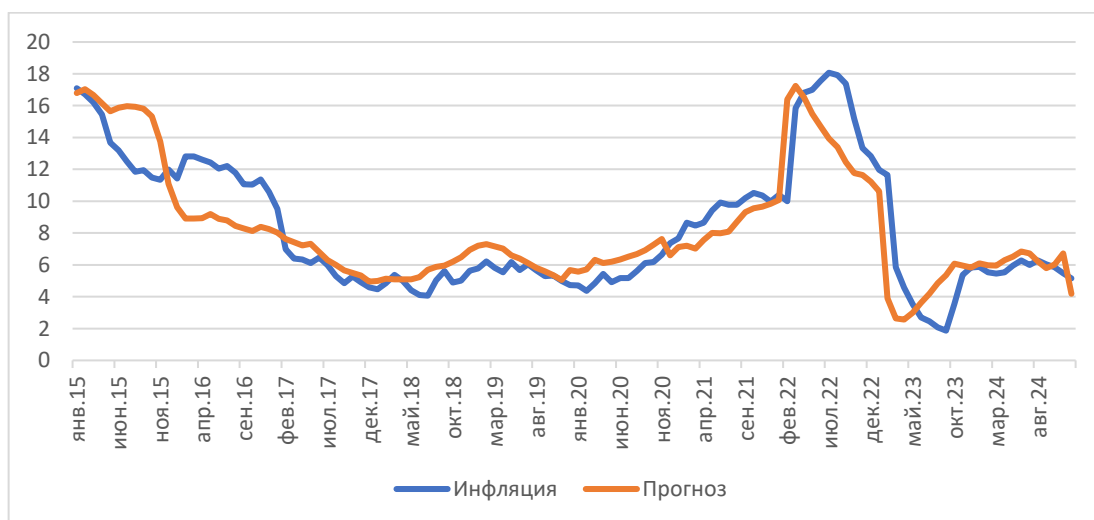

Рисунок 1 – Прогноз инфляции в Республике Беларусь 2015–2024 гг.

Примечание — Собственная разработка на основе источников [5, 6, 7, 8].

Прогнозируемая инфляция формализуется как функция лаговых переменных, интегрирующих инерционность ценовой динамики. Синергия

количественных и качественных методов повышает надежность: например, рост инфляции из-за $Infl_Rus$ может усиливаться зависимостью от энергоэкспорта, а незначимость ΔPPI — компенсацией через субсидии.

Модель служит как инструментом прогнозирования, так и «картой рисков», выделяя точки для углубленного анализа. Ее ограничения (например, структурные разрывы) требуют итеративного подхода: обновления данных, тестирования спецификаций и интеграции экспертных оценок, особенно в условиях нестабильности, когда ранее незначимые факторы становятся ключевыми.

Таким образом, исследование инфляции в Беларуси (2015–2024 гг.) подтвердило критическую роль анализа и прогнозирования для макроэкономической стабильности. Модель множественной регрессии, включающая лаговые значения денежной массы ($M0$), обменного курса ($Exrr$), индекса промышленных цен (ΔPPI) и инфляции в России ($Infl_Rus$), выявила ключевые факторы. Рост инфляции в России на 1 п. п. увеличивает инфляцию в Беларуси на 0,85 п. п., подчеркивая тесную взаимосвязь экономик обеих стран. Сдерживающий эффект $M0$ (коэффициент -0,1) подтверждает эффективность монетарных мер, тогда как незначимость $Exrr$ и слабое влияние ΔPPI требуют учета структурных особенностей (госрегулирование цен, субсидии).

Практическая ценность модели заключается в поддержке краткосрочного прогнозирования и стресс-тестировании сценариев денежно-кредитной политики, что подтверждается устойчивой коинтеграцией прогнозных и фактических данных. Для долгосрочных прогнозов рекомендованы динамические модели (VAR, ARIMA), учитывающие экзогенные шоки. Анализ остатков методом Ходрика-Прескотта подтвердил стабильность параметров модели. Для повышения надежности необходимы: интеграция в модель качественного анализа (налогово-бюджетная политика, геополитические риски), расширение набора переменных (инфляционные ожидания, импорт), тестирование нелинейных спецификаций и регулярная актуализация данных.

Список литературы

1. Картун, А.М. Дезагрегированный подход к анализу и прогнозированию инфляции в Республике Беларусь / А.М. Картун [Электронный ресурс]. – 2013. – <https://www.nbrb.by/mp/theoretical-materials/dezagrigir.pdf?ysclid=makce7vmsd710119812>. – Дата доступа: 09.05.2025.
2. Макаревич, Д.А. Прогнозирование инфляции в Республике Беларусь / Д.А. Макаревич // Экономическая мозаика: сб. студ. статей [Электронный ресурс] / Бел. гос. экон. ун-т. – Минск, 2024. — Вып. 10, Ч 1. – Режим доступа: http://bseu.by/ket/EkonMozaika_10_1.pdf. – Дата доступа: 09.05.2025.

3. Максимова, Т.Г. Эконометрика: учебно-методическое пособие / Т.Г. Максимова, И.Н. Попова [Электронный ресурс]. – СПб.: Университет ИТМО, 2018. – <https://books.ifmo.ru/file/pdf/2425.pdf>. – Дата доступа: 09.05.2025.
4. Краушор, Д. Краткосрочное прогнозирование и наукастинг темпов роста инфляции на основе моделей по смешанным данным / Д. Краушор [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/12119.pdf?ysclid=m7xnf91d7t972508752>. – Дата доступа: 09.05.2025.
5. Инфляция и ключевая ставка Банка России / Банк России [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/infl/. – Дата доступа: 09.05.2025.
6. International Financial Statistics / International Monetary Fund [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545849>. — Дата доступа: 15.05.2025.
7. Бутеня, В.Е. Причины роста инфляции в экономике, производства и повышением производительности труда / В.Е. Бутеня [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/23982/C.%202022-29.pdf?sequence=1&isAllowed=y::~text=Причины%20роста%20инфляции%20в%20экономике,производства%20и%20повышением%20производительности%20труда>. – Дата доступа: 15.04.2025.
8. Широкая денежная масса / Нац. банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2000–2025 – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/statistics/monetarystat/broadmoney?ysclid=maeb4cuwrj255697598>. – Дата доступа: 15.04.2025.

Экономика праздничного потребления: анализ поведения покупателей и рыночной динамики

*Скулкова А.А., Свич У.А.
ФЦЭ, 1 курс, 24ДЦИ-2*

*Руководитель: ассистент
Федулов Д.Л.*

Когда магазины начинают менять свои витрины – в декабре сверкают гирляндами, в феврале пестрят мужскими аксессуарами, а в марте утопают в цветах – в экономике Беларуси запускается механизм праздничного потребления. Это время, когда рациональные расчеты уступают место эмоциям, а привычные бюджеты значительно увеличиваются под давлением желания сделать праздник особенным.

Наше исследование направлено на понимание экономики праздничного потребления в РБ. Мы проанализировали не только цифры, но и человеческие привычки, иррациональные решения и социальные традиции, которые превращают праздники в рынок.

Праздничное потребление – это специфическая форма экономического поведения, возникающая во время значимых дат, таких как Новый год, Рождество и 8 Марта. Оно характеризуется следующими особенностями:

- Сезонные колебания спроса – резкий рост потребления определенных товарных групп (подарки, продукты для застолий, украшения) в ограниченный временной промежуток.
- Изменение ценовой эластичности – спрос становится менее чувствительным к цене, так как покупки часто носят обязательный (социально обусловленный) характер.
- Трансформация потребительских предпочтений – смещение в сторону премиальных товаров, эмоционально значимых покупок и статусных приобретений.
- Особенности денежных потоков – увеличение расходов домохозяйств, рост выручки ритейлеров, сезонные изменения в кредитовании.

Существует несколько теорий, объясняющих «праздничное безумие». Первая из них – концепция наценки за праздник, согласно которой люди платят не за товар, а за эмоциональный сигнал. Например, шампанское в подарочном боксе стоит 45 руб. вместо 30 руб. за обычную версию. Вторая теория – модель импульсных покупок, где в праздники мозг переключается в режим «купить сейчас — подумать потом», и многие покупатели признаются, что тратят больше запланированного. Третья теория – ограниченная рациональность, применяется в случаях, когда полноценное использование рациональной модели оказывается невозможным из-за нехватки времени, информации или анализа, и лица принимают удобные для них решения, а не разумные [1].

Мы провели и свой мини-опрос среди учащихся нашего факультета. Результаты таковы: большинство опрошиваемых подтвердили, что праздничная обстановка прямо влияет на их поведение и покупки. 96 процентов потребителей склонны к большим затратам на подарки и тематические товары. Большинство студентов признаются, что чувствуют себя более эмоционально привязанными к таким покупкам. Те же эмоции побуждают 68 процентов людей приобретать различные тематические товары. 66 процентов отметили, что хотя бы раз покупали атрибуты праздника, такие как шапка Деда Мороза

Подходя к влиянию праздничного потребления на экономические показатели, можно отметить, что праздничные периоды создают выраженные сезонные колебания в экономике. Например, IV квартал обеспечивает увеличение прироста потребительских цен в годовом выражении с 2 процентов в сентябре до 5,8 процента в декабре. На продукцию потребительского назначения приrost цен в годовом выражении в декабре сложился на уровне 2,5 [2].

Таким образом, праздничная экономика Беларуси представляет собой сложную систему взаимосвязей, где культура, психология и рыночные механизмы создают уникальную модель потребления, требующую осмысленного управления на всех уровнях.

Список литературы

1. Черняк В.З., Эриашвили Н.Д. Модель ограниченной рациональности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ogranichennoy-ratsionalnosti/viewer>. – Дата доступа: 21.05.2025.
2. Информация о динамике и факторах изменения потребительских цен и тарифов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/publications/inflationquarterly/inflationquarterly_2023_4.pdf. – Дата доступа: 21.05.2025.

Искусственный интеллект в банках: преодоление барьеров на пути к цифровой трансформации

Слободян А.А.
ФФБД, 4 курс, 21ДФЗ-2

*Руководитель: доцент, кандидат экономических наук
Горбатенко И.В.*

Современное общество переживает период стремительной цифровой трансформации, в основе которой лежит активное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (далее ИИ). Один из ключевых вызовов, с которым сталкиваются банки в XXI веке, – лавинообразный рост объемов информации. Ежедневно генерируются терабайты структурированных и неструктурированных данных, требующих оперативной и точной обработки. В современном мире ежедневно генерируются огромные объемы информации, которые невозможно обработать традиционными методами, что привело к развитию машинного обучения, способного выявлять сложные связи между данными и делать предсказания на их основе [1]. Однако, несмотря на экономический потенциал технологий ИИ, их полноценное использование сопряжено с рядом барьеров.

Во-первых, отсутствие четкого правового регулирования ИИ-технологий в банковской деятельности. На данный момент не существует нормативного акта, который бы системно охватывал все аспекты использования ИИ в банковском секторе. Это создает неопределенность при внедрении и применении технологий ИИ, затрудняя их эффективное и безопасное использование.

Во-вторых, отсутствие прямой отчетности о результатах работы ИИ позволяет проводить анализ лишь на основании косвенных факторов и наблюдаемых трендов.

В-третьих, кадровый дефицит. Эффективная реализация ИИ-проектов требует наличия специалистов со специфическими компетенциями в области анализа данных, машинного обучения, цифровой архитектуры и информационной безопасности. При этом многие банки испытывают нехватку таких кадров, что затрудняет не только внедрение новых решений, но и их последующую поддержку и развитие.

В-четвертых, прозрачность алгоритмов и риски кибербезопасности. Проблема «черного ящика», когда логика принятия решений алгоритмами ИИ остается непрозрачной, создает трудности при объяснении решений клиентам, проведении аудита и мониторинга. ИИ также создает новые проблемы в области кибербезопасности. А в сочетании с отсутствием правового регулирования использования систем ИИ в банках может привести к ситуациям, когда невозможно однозначно установить ответственное за несовершенство ИИ-алгоритмов лицо.

Говоря о развитии систем ИИ в банках Республики Беларусь, стоит сказать, что далеко не все банки используют ИИ-системы в явном для клиентов виде, однако некоторые из них уже применяют систему виртуальных ИИ-консультантов, частично снижая нагрузку на персонал. К таким банкам относятся «Беларусбанк», «Белагропромбанк», «Сбербанк», «БНБ-банк».

Анализ ассистентов названных банков выявил значительные различия в их функциональности, что указывает на неоднородность развития систем ИИ на данный момент. Тестирование показало, что некоторые системы успешно обрабатывают составные запросы и используют современные алгоритмы обработки естественного языка, в то время как другие испытывают трудности даже с базовыми операциями, требуя вмешательства оператора. Это указывает на то, что технология виртуальных ассистентов в банковской сфере находится на начальном этапе развития, и все рассмотренные системы нуждаются в дальнейшей доработке.

В целом, результаты анализа демонстрируют, что внедрение ИИ в банках в виде виртуальных консультантов находится лишь на стадии своего становления. Разные банки используют различные технологические подходы. Несмотря на отдельные успехи, общим вызовом остается повышение способности ИИ точно распознавать намерения пользователей и самостоятельно решать широкий спектр задач, что подчеркивает необходимость дальнейшего развития и совершенствования данной технологии.

Преодоление упомянутых барьеров стоит начать с расширений в правовом секторе: дать законное определение ИИ в финансовом контексте; определить зоны ответственности при использовании ИИ банками; создать специализированный надзорный орган, который будет заниматься разработкой нормативных актов, контролем соблюдения этических принципов и оценкой эффективности ИИ-решений; ввести четкое разделение результатов работы выполненной ИИ и человеком, что создаст условия для подготовки отчетности, необходимой для оценки эффективности применения технологии. Формально необходимая структура, занимающаяся цифровой трансформацией, уже существует: Совет по развитию цифровой экономики при правительстве [2; 3]. Тем не менее, в настоящем виде, данная структура не способна обеспечить максимально эффективное выполнение правовых и экономических преобразований за счет специфики использования технологий ИИ в банковском секторе и нуждается в преобразованиях. Главная идея заключается в том, что в Республике Беларусь не требуется немедленно создавать сложную систему новых законов и институтов, а достаточно модернизировать существующие структуры и нормативную базу, сделав акцент на практических аспектах внедрения ИИ.

Далее стоит решить проблему отсутствия необходимого персонала: инвестиции в обучение и адаптацию бизнес-процессов. Успешное внедрение ИИ требует значительных инвестиций в обучение сотрудников и изменения организационной структуры банков. Необходимо разработать программы

переподготовки и повышения квалификации, а также создать новые подразделения и должности, связанные с работой с ИИ.

В итоге при грамотном управлении и контроле применения технологий ИИ в банках и налаженной работе подготовленных специалистов ИИ станет неотъемлемой частью как во внутренних процессах банка, так и в работе с клиентами [4]. Используя ИИ, банки смогут создать уникальную цифровую среду, которая будет индивидуально подстраиваться под каждого пользователя, повышая общее качество банковского обслуживания.

Список литературы

1. Big Data: A Revolution that Will Transform how We Live, Work, and Think / Viktor Mayer-Schönberger, Kenneth Cukier – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 244 p.
2. Создан Совет по развитию цифровой экономики / Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL: <https://mpt.gov.by/ru/news/12-03-2018-2837> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Положение о совете по развитию цифровой экономики: утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 28 фев. 2018 г. № 167 // КонсультантПлюс. Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 20.05.2025).
4. How Artificial Intelligence Is Reshaping Banking / Serge Beck // Forbes Technology Council. – 23 Feb. 2024. – URL: <https://www.forbes.com/councils/forbestechcouncil/2024/02/23/how-artificial-intelligence-is-reshaping-banking/> (date of access: 20.05.2025).

Рекламный рынок Республики Беларусь

Сушиц Д.С.
МЭО, 4 курс, 21ДАЭ-1

*Руководитель: профессор, доктор экономических наук
Филипцов А.М.*

Реклама – термин происходит от латинского слова «reklamare», то есть «громко кричать» или «извещать» (в Древней Греции и Риме объявления громко выкрикивались или зачитывались на площадях и в других местах скопления народа) [1].

Согласно Закону Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-3 «О рекламе», реклама определяется как информация, предназначенная для неопределенного круга лиц, направленная на формирование или поддержание интереса к объекту рекламирования и способствующая продвижению его на рынке [2].

Рассмотрим рекламный рынок Республики Беларусь.

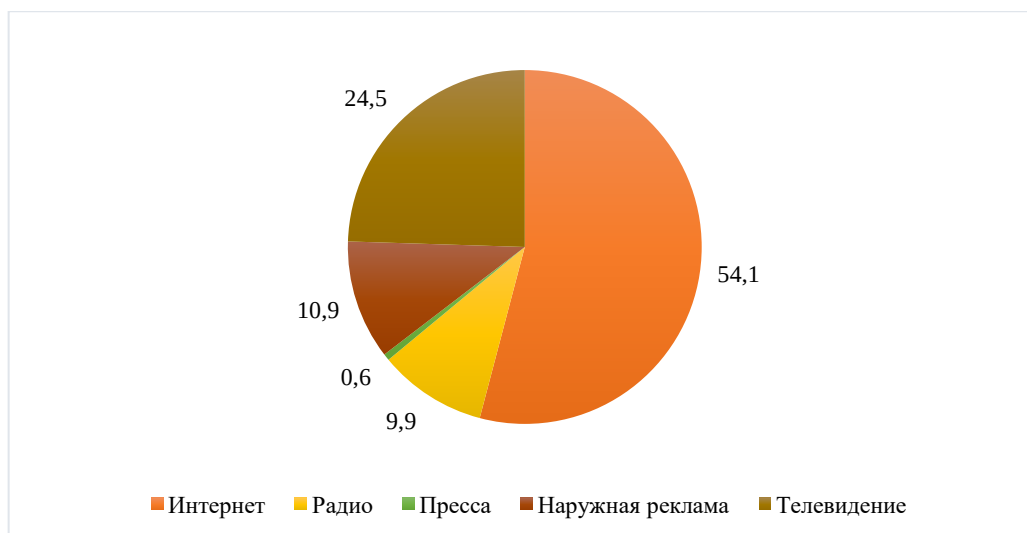

Рисунок 1 – Рынок рекламы в Республике Беларусь в 2023 году
Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных [3].

Из графика видно, что Интернет занимает лидирующие позиции (больше половины) размещения рекламы. На втором месте – телевидение. Данное распределение не удивительно – по данным digital-агентств в сети Интернет в Республике Беларусь насчитывалось около 8,5 миллионов пользователей в 2023 году. В начале 2024 года количество Интернет-пользователей сократилось на 39 тысяч, что в процентном соотношении (-0,5 процента). Самый популярный поисковик – Google с долей 66%, у «Яндекса» – 32%.

Общий объем затрат на рекламу по всем сегментам в 2023 году составил 68,17 миллиона долларов. Например, прирост рекламы на телевидении в 2023

году составил 30%. Рост также показали наружная реклама (+23%), реклама в интернете (+17%), реклама на радио (+15%).

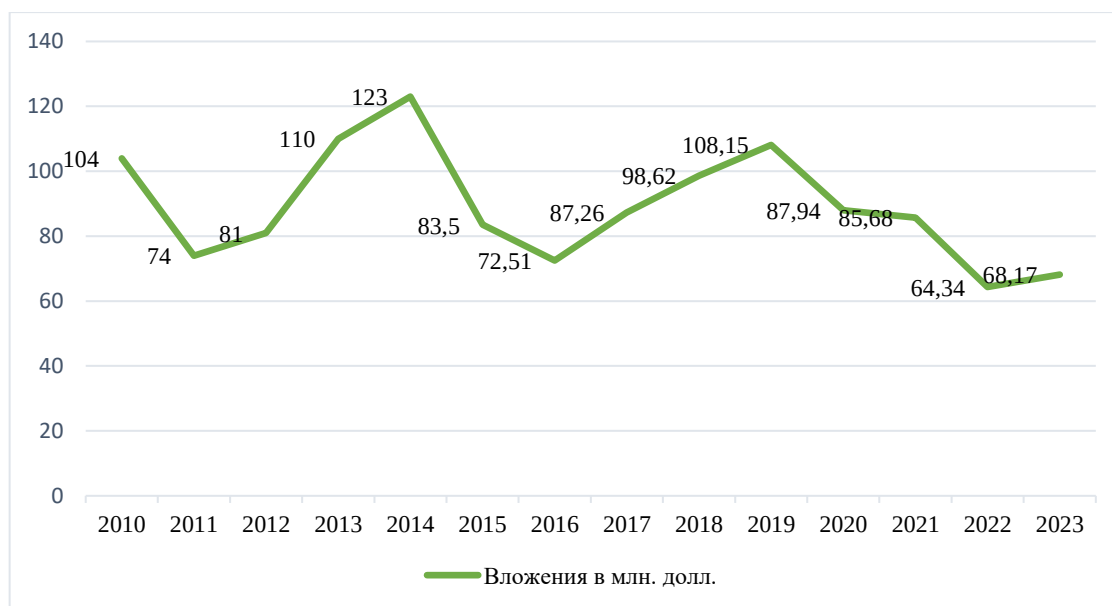

Рисунок 2 – Объём вложений рекламы в Республике Беларусь в 2023 году

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных [3].

Согласно данным рисунка 2, в 2022 году объём рекламного рынка значительно снизился. Это связано с санкциями в отношении Республики Беларусь, с законодательными ограничениями относительно СМИ-каналов. Фирмам требовалось время, чтобы перестроиться на новые каналы рекламы. Многие организации ушли из Республики Беларусь, происходило замещение предприятий. Постепенно появлялись новые рекламные возможности, в частности от российских брендов.

В 2023 г. в основном рекламировались российские и белорусские бренды. Западные бренды пока что оставили своё рекламное продвижение на паузе. Среди наиболее рекламируемых сфер можно выделить фармацевтическую сферу.

Государственное регулирование в области рекламы осуществляется Президентом Республики Беларусь, Национальным собранием Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, Министерством торговли Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами и иными государственными органами в пределах их компетенции.

Министерство антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ) осуществляет деятельность по проведению государственной политики в области рекламы и торговли в национальных интересах Республики Беларусь. МАРТ разрабатывает и внедряет рекомендации для субъектов хозяйствования, чтобы реклама соответствовала национальным интересам и поддерживала государственные языки.

6 января 2024 г. принят Закон № 353-З «Об изменении законов по вопросам рекламы» (далее – Закон № 353 З), которым скорректирован Закон

от 10.05.2007 № 225-3 «О рекламе» (далее – Закон о рекламе). Изменения вступили в силу с 12 июля 2024 года [4, с. 272–273].

Также в Республике Беларусь действуют различные организации по развитию рекламной индустрии в государстве. Например, Ассоциация рекламных организаций, Ассоциация коммуникационных маркетинговых агентств, которые периодически публикуют маркетинговые исследования, а также участвуют в международных собраниях и конференциях, посвященных рекламе и её эффективности. Ассоциация рекламных организаций входит в состав Координационного совета по рекламе с первых дней его образования.

Согласно Концепции развития национального культурного пространства на 2024-2026 года планируется активное сокращение использования иностранных слов в рекламе и развитии брендов с целью сохранить национальную культуру и самобытность.

17 мая 2004 года в ходе заседания Межгосударственного совета по антимонопольной политике (МСАП) стран-участниц СНГ было утверждено Положение о Координационном Совете.

Координационный совет по рекламе – межгосударственная структура, которая позволяет проводить продуктивные дискуссии органов власти и бизнес-сообщества, обмениваться опытом и разрабатывать совместные проекты.

Таким образом В 2023 году рынок рекламы в Беларуси начал восстанавливаться, и практически все сегменты рекламной индустрии показали рост.

Основные факторы, повлиявшие на рост рынка в 2023 году, включают необходимость перестройки бизнеса на новый формат работы с персональными данными, ротацию брендов и замещение одних компаний другими, а также запрос на промо от российских брендов. Прогнозы на 2024 год предполагают, что белорусским маркетологам станет сложнее находить аудиторию из-за изменений в законодательстве и отмены 3rd-party cookies со стороны Google Chrome.

Рекламный рынок в Беларуси продолжает адаптироваться к новым условиям и вызовам, и интернет-реклама остается самым перспективным и быстрорастущим сегментом.

Список литературы

1. Панкратов Ф. Г., Баженов Ю. К., Серегина Т. К., Шахурин 2 В. Г. Рекламная деятельность: Учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2002. – 364 с.
2. Ассоциация рекламных организаций / АРО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belsn.by/chleny/13/back.html>. – Дата доступа: 21.05.2025.
3. Объём рынка / Ассоциация рекламных организаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aro.by/?page_id=354. – Дата доступа: 21.05.2025.

4. Современные тренды рекламной практики Республики Беларусь / М. В. Лесниченко-Роговская, И. А. Добромудрова / Институт бизнеса БГУ. – Минск. 2022. – 272–273 с.

Состояние платежного баланса Республики Беларусь

Тыбулевич В.
УЭФ, 2 курс, 23ДЭБ-1

*Руководитель: доцент, кандидат экономических наук
Сидунова Г.В.*

В современных условиях каждое государство стремится иметь достоверную и объективную информацию о результатах внешнеэкономических операций страны с остальным миром. Такого рода информация необходима для принятия решений относительно будущих действий на финансовых, товарных и денежных рынках, в области инвестиционной и ценовой политики, а также для оценки эффективности экономической политики государства, составления прогноза экономической ситуации в стране, исследования места страны в системе мировых хозяйственных связей.

Основные потребности в подобной информации удовлетворяют балансы международных расчетов, такие как платежный баланс и международная инвестиционная позиция государства, которые отражают товарные и финансовые потоки и международные запасы страны [1].

Платежный баланс Республики Беларусь – это статистический отчет, в котором в систематизированном виде отражаются суммарные данные о внешнеэкономической деятельности страны за определенный период времени. В платежном балансе фиксируются все операции между резидентами Республики Беларусь и нерезидентами, связанные с движением товаров, услуг, доходов, трансфертов, финансовых активов и обязательств [2].

В платежном балансе отражаются суммы платежей, произведенных данной страной за границей, и поступлений, полученных ею из-за границы за определенный период времени (если поступления превышают платежи, то платежный баланс активен, а если платежи больше поступлений, то он пассивен).

За 2023 год сальдо счета текущих операций платежного баланса Республики Беларусь сложилось отрицательным в размере 1,0 млрд. долларов США, или 1,4 % ВВП (за 2022 год – положительное сальдо в размере 2,5 млрд. долларов, или 3,4 % ВВП) (рисунок 1).

В 2024 году дефицит по счету текущих операций платежного баланса вырос до 1,9 млрд. долларов США, что составляет 2,5 % ВВП. Дефицит счета, как и в предыдущем году, сформировался главным образом под воздействием дефицита внешней торговли товарами и отрицательного сальдо первичных доходов.

Отрицательное сальдо внешней торговли товарами в 2024 г. было на уровне 4,7 млрд. долларов, экспорт товаров – 39,5 млрд. долларов, импорт – 44,2 млрд. долларов. При этом за год экспорт увеличился на 0,5 млрд.

долларов, или на 1,2 %. Импорт товаров вырос на 2,6 млрд. долларов, или на 6,3 %.

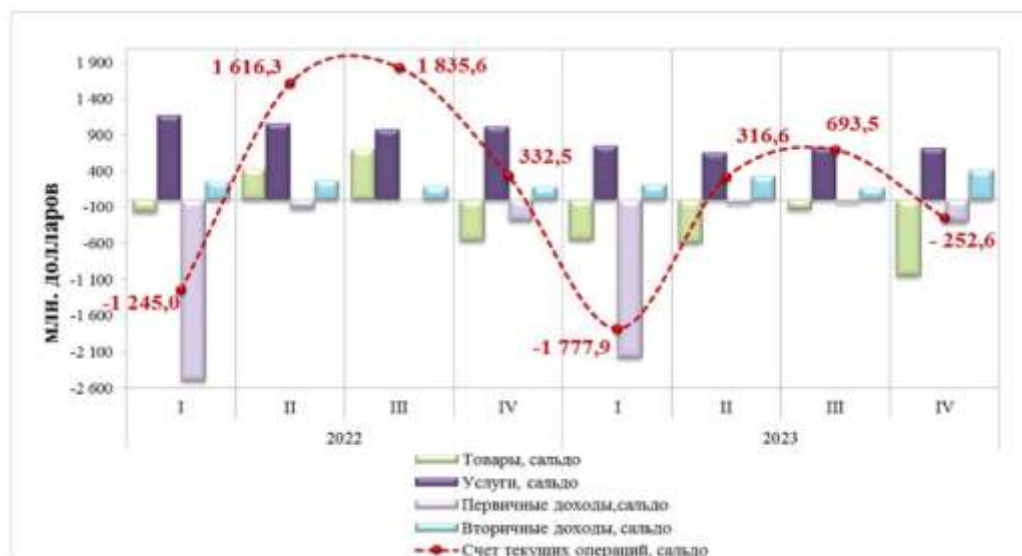

Рисунок 1 – Структура счета текущих операций платежного баланса Республики Беларусь за 2022-2023 годы (по кварталам)

Примечание – Источник: [3, с. 10].

Сальдо первичных доходов за 2024 год сформировалось отрицательным в размере 1,8 млрд. долларов, что в первую очередь обусловлено дефицитом инвестиционных доходов [4].

За 2023 год сальдо финансового счета платежного баланса в стандартном представлении сложилось отрицательным в размере 96,3 млн. долларов (за 2022 год – положительное сальдо в размере 3,1 млрд. долларов) и характеризовало чистое заимствование финансовых средств резидентами Республики Беларусь у остального мира (рисунок 2).

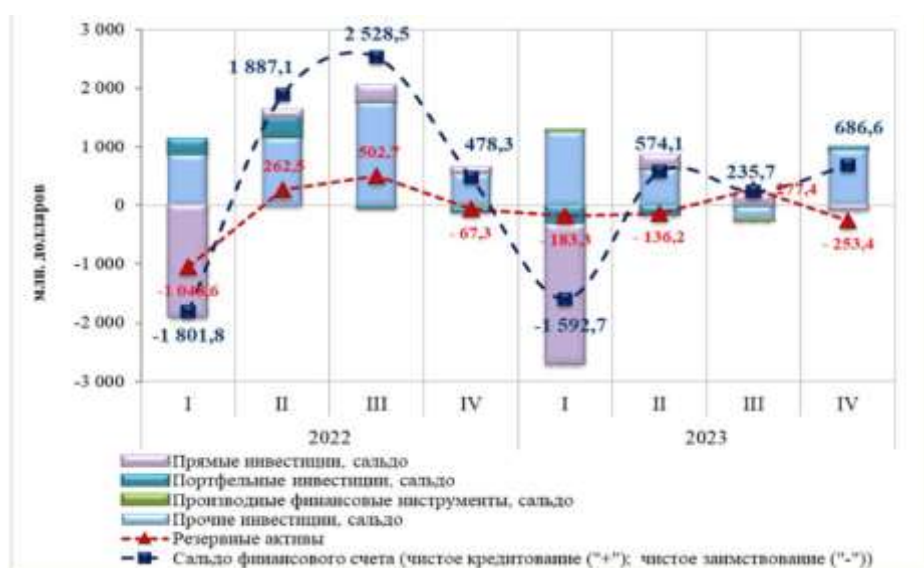

Рисунок 2 – Структура финансового счета платежного баланса Республики Беларусь за 2022-2023 годы (по кварталам)

Примечание – Источник: [3, с. 13].

В 2024 году образовался дефицит по финансовому счету в размере 1,2 млрд. долларов. В результате проведенных внешнеэкономических операций внешние обязательства резидентов Республики Беларусь увеличились на 1,3 млрд. долларов при одновременном росте иностранных активов резидентов Республики Беларусь на 90,8 млн. долларов [4].

Одной из главных проблем платежного баланса Республики Беларусь является его дефицит по счету текущих операций. Государство не может в течение длительного времени тратить больше средств на получение иностранных товаров, услуг и активов, чем приобретено выручки от реализации собственных товаров, услуг и активов [5].

При определении комплекса мер по регулированию платежного баланса Беларуси необходимо учитывать специфические особенности развития страны, условия функционирования денежно-кредитной системы, возможности наращивания экспортного потенциала отраслей экономики.

Список литературы

1. Петрикова, Е.М. Роль и значение международной инвестиционной позиции в системе платежного баланса / Е.М. Петрикова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-mezhdunarodnoy-investitsionnoy-pozitsii-v-sisteme-platezhnogo-balansa>. – Дата обращения: 31.05.2025.
2. Платежный баланс Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/statistics/balpay/methodology/geninfo6.pdf>. – Дата обращения: 31.05.2025.
3. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и валовой внешний долг Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/publications/balpay/balpay2023_4.pdf. – Дата обращения: 31.05.2025.
4. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и валовой внешний долг Республики Беларусь за 2024 год. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/publications/balpay/balpay2024.pdf>. – Дата обращения: 31.05.2025.
5. Борисевич, И. Платежный баланс и его регулирование в Республике Беларусь/ И. Борисевич. – Режим доступа: <https://rep.bsatu.by/bitstream/doc/10441/1/platezhnyj-balans-i-ego-regulirovanie-v-respublike-belarus.pdf>. – Дата обращения: 31.05.2025.

